

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт.
2022. № 4 (26)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (26), 2022

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-26-140-182>
<https://elibrary.ru/QTUNWS>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Расцвет и разрушение светских литературных салонов «золотого века»

© 2022, О.С. Муравьева

Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом),
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья посвящена краткой истории существования светского литературного салона первой половины XIX в. В статье прослеживаются причины, объясняющие его яркий расцвет и быстрый закат. Салон рассматривается как двуединое явление, принадлежащее одновременно литературе и быту. Поэтому в статье уделяется внимание как литературным процессам, связанным с салонной культурой, так и обычаям и поведенческим нормам света. Судьба литературного салона представляется частным, но очень показательным сюжетом в истории развития русского общества.

Ключевые слова: литературные жанры, бытовое поведение, «золотой век», салонная культура, мемуары.

Информация об авторе: Ольга Сергеевна Муравьева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом), наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: olga_muraveva@list.ru

Для цитирования: *Муравьева О.С.* Расцвет и разрушение светских литературных салонов «золотого века» // Литературный факт. 2022. № 4 (26). С. 140–182. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-26-140-182>

Салоны — яркое явление светской и литературной жизни русского образованного общества первых десятилетий XIX в. Салон представлял собой сложную форму самоорганизации дворянской элиты, позволяющую объединить ее высокие интеллектуальные и художественные запросы с культом «элегантной жизни».

В России XVIII в. подобного явления не существовало, однако в этот период закладывались культурные традиции, со временем ставшие основой для создания русских салонов. Благодаря деятельности русских просветителей XVIII в. неизмеримо расширился круг интересов дворянства, изменились его культурные потребности. Н.И. Новиков развернул обширную издательскую деятельность, призванную, в частности, дать полезное и занимательное чтение самому широкому кругу читателей, в том числе женщинам и детям. Е.Р. Дашкова, сделавшая очень много для развития русского языка и литературного образования современников, изменила само представление об интеллектуальных возможностях женщины и ее роли в обществе. Кардинальная реформа русского литературного языка, осуществленная Н.М. Карамзиным, преобразовала не только язык и стиль художественной литературы, но и разговорный язык образованного общества. Внедрение в быт этикетных и поведенческих норм, ориентированных на европейские образцы, способствовало интересу к традициям светского салона.

Еще В.К. Тредиаковский надеялся, что его перевод романа Поля Таллемана (1642–1712) «Езда в остров любви» (1730), поможет созданию в России салонной культуры [23, с. 222–230]. Заметную роль в приобщении русского дворянства к европейским формам общения и досуга сыграл салон Екатерины II, организованный в Малом Эрмитаже. Выступая в роли хозяйки салона, императрица приучала подданных к галантной культуре. В Малый Эрмитаж приглашались как русские аристократы, так и иностранные гости — послы и дипломаты, на этих вечерах царил атмосфера непринужденного веселья и свободного обмена мнениями. Екатерина, как известно, сама не чуждая литературе, организовывала в своем салоне творческие забавы, требующие импровизации и находчивости, такие, как игра «в вопросы и ответы», буриме и сочинение пародий. В ее салоне ценились собеседники, умевшие использовать в разговоре остроумные реплики, афоризмы и анекдоты. Так создавался стиль светской беседы и, в то же время, развивались литературные жанры. Собственные произведения Екатерины — сказки, письма и мемуары — являлись своего рода литературными моделями салонного времяпрепровождения [1, с. 84–116]. Императрица приглашала в свой салон юных девушек, таких, например, как Варвара Головина, они приобретали там опыт светского общения [16, с. 93].

В конце XVIII – начале XIX вв. в России постепенно формируется дворянская культурная элита, состоящая из европейски образованных, безукоризненно воспитанных, интеллектуально развитых

людей. Эти люди испытывают потребность в совместном времяпрепровождении, позволяющим реализовывать их художественные и интеллектуальные запросы, и просто получать удовольствие от общения с равными себе и приятными собеседниками, с дамами, в том числе. Дворянские женщины начала XIX в. гораздо свободнее и самостоятельнее своих бабушек; многие из них получают хорошее образование, знают иностранные языки, много читают и умеют поддержать интересную беседу. Так создаются предпосылки для возникновения русских светских литературных салонов. Образцом для подражания, культурной моделью, по которой создавались салоны Москвы и Петербурга начала XIX в., стали их исторические предшественники — парижские салоны XVII–XVIII вв. В салонах мадам де Севинье, маркизы де Ламбер, мадам дю Деффан, мадам де Жоффрен, мадам Леспинас, мадам Люксембург, мадам де Сталь и др. собирался цвет французского общества: писатели, философы, поэты, музыканты. Здесь обсуждались любые проблемы искусства и общественной жизни, формировались художественные и политические позиции. Российское столичное дворянство было знакомо с парижскими салонами не только по письменным и устным рассказам; русские аристократы, бывая во Франции, сами посещали эти знаменитые собрания. Большое внимание уделяется парижским салонам в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина. Проведя своего «путешественника» по нескольким салонам, писатель дал обобщенную и яркую их характеристику.

Карамзину классическим воплощением салона как культурного явления представлялись парижские салоны XVIII в. Салоны эпохи 1789–1790-х гг. на фоне бурной жизни революционного Парижа казались ему обломками старой, уже уходящей жизни [26, с. 142–153]. В России же расцвет салона был еще впереди, он наступил в уникальной ситуации «золотого века», эпохи конца 1810-х – начала 1840-х гг. В этот период роль салона как центра литературной жизни поддерживается не только европейской традицией, но и особенностями развития национальной культуры, где литература начинает занимать доминирующее положение в духовной жизни общества. С литературой и поэзией были так или иначе связаны почти все занятия и интересы собиравшегося в салонах общества. Выделять собственно «литературные салоны» можно лишь с большой долей условности [4, с. 20–24]. Современники не разделяли светские и литературные салоны, направленность салона (его большая или меньшая «литературность») определялась составом его участников и их интересами. Термин «литературный салон» начинает исполь-

зоваться историками литературы в их ретроспективных описаниях общественной жизни XIX в. С одной стороны, это было вызвано преимущественным интересом к литературному процессу, а не к бытовой стороне жизни, с другой — негативным отношением к светскому обществу и салонной культуре. В исторических и историко-литературных работах обращение к теме салонов долгое время носило чисто описательный характер. Изучение салонов как особого культурного явления начинается в XX в. В 1929 г. выходит сборник «Литературные кружки и салоны», где отрывки из мемуаров сопровождаются аналитическими статьями М. Аронсона и Б. Эйхенбаума [51, с. 349–372]. В 1930 г. появляется хрестоматия «Литературные салоны и кружки первой половины XIX в.» под редакцией и со вступительной статьей Н.Л. Бродского¹. В современных исследованиях предпринимались попытки рассмотреть салон с культурологических и социологических позиций, однако они сводятся, в основном, к классификации существовавших салонов².

Стремление все же вычленить литературные интересы и занятия из общего содержания интеллектуальной жизни салона невольно приводит к определенному искажению реальной картины жизни того общества. О сложном взаимодействии литературных и внелитературных явлений писал Б.М. Эйхенбаум: «Отношения между фактами литературного ряда и фактами, лежащими вне его, не могут быть просто причинными, а могут быть только отношениями соответствия, взаимодействия, зависимости или обусловленности» [51, с. 345]. Это общее положение, безусловно, справедливо в отношении так называемых литературных салонов. Мы предлагаем рассматривать литературный салон как двуединое явление, принадлежащее в равной степени и быту светского общества, и литературному быту.

Салоны являлись основной формой так называемой светской жизни. Выражение «выезжать в свет» означало посещение балов, гуляний и, конечно, салонов. Салоны имели обычно твердо фиксированные дни и часы; у Карамзиной принимали каждый вечер, у Елагиной по воскресеньям, у Одоевских по субботам и т. д. Че-

¹ Литературные салоны и кружки. Первая пол. XIX в. / ред., вступ. ст. и примеч. Н.Л. Бродского. М.; Л.: Academia, 1930. 592 с.

² Т.Е. Смолянинова проводит разделительную черту между культурно-бытовыми салонами и салонами профессиональной ориентации [53, с. 60–61]. Е.Н. Палий выделяет разные типы салонов [45]. Однако разделение салонов на литературные, музыкальные и т. д. следует признать чисто условным. Описание ряда столичных салонов см.: [35]. Опыт комплексного изучения петербургских литературных салонов см.: [8].

ловец, однажды принятый в салоне, мог уже приезжать без приглашения. В разные дни в салоне могло собираться от восьми-десяти до нескольких десятков человек. Имея возможность всякий день посещать салоны, каждый выбирал для постоянных визитов те из них, где собиралось наиболее интересное и приятное ему общество: это был определенный, но не точно очерченный круг людей. В салоне собирались как люди, связанные общими интересами, литературными и политическими взглядами, так и те, кто не разделял полностью царивших там умонастроений. «Быть принятым» в салоне г-жи N означало получить определенный социальный статус, но при этом не шла речь о принадлежности к той или другой литературной или политической партии. Таким образом, салоны ни в коем случае не являлись замкнутыми и закрытыми сообществами приверженцев определенных эстетических или политических течений. В этом было принципиальное отличие салонов от литературных кружков и обществ.

Обширная мемуарная литература сохранила впечатления современников о знаменитых салонах З.Н. Волконской, А.Н. Оленина, А.О. Смирновой-Россет, Е.М. Хитрово и Д.Ф. Фикельмон, Е.А. Карамзиной, Е.Н. Мещерской, А.П. Елагиной, В.Ф. Одоевского, М.Ю. Виельгорского, В.А. Соллогуба, Е.П. Ростопчиной, С.П. Пономаревой.

Особенный характер имели салоны, душой которых была женщина, выделявшаяся своей красотой, умом и обаянием. Вокруг хозяйки салона собирался круг ее гостей, друзей и поклонников. Она определяла состав завсегдатаев салона, стиль общения и направление беседы. В представлении об идеале женщины, формирующемся в первой трети XIX в. в русской литературе и литературной среде, она должна быть воплощением красоты, нравственным камертоном и арбитром художественного вкуса — всех тех качеств, что необходимы хозяйке салона. Именно в эпоху «золотого века» в России появляется целый ряд блистательных женщин, оказавших решающее влияние на расцвет салонной культуры: З.А. Волконская, Е.И. Голицына, Е.А. Карамзина, А.О. Смирнова-Россет, С.Д. Пономарева, Д.Ф. Фикельмон и Е.М. Хитрово, А.П. Елагина, Е.П. Ростопчина. Яркие и самобытные женщины в дворянской среде бывали и раньше: знаменитые барыни М.И. Римская-Корсакова, Е.А. Архарова, Н.Д. Офросимова, Н.П. Голицына, Н.К. Загряжская. Однако дамы 1820–1840-х гг. отличались не только яркими характерами, но и европейским образом, безукоризненными манерами и искусством светского

общения. Знаменитые русские салоны первой половины XIX в. несут отчетливый отпечаток личности своих хозяек.

В Москве существовало несколько салонов. Салон княгини Зинаиды Александровны Волконской, урожденной княжны Белосельской-Белозерской (1789–1862), по замыслу должен был выполнить особую культурную миссию — посредничества между Россией и Европой. Гостиная ее дома в Москве, где Зинаида Александровна жила с 1824 г., украшенная оригиналами и копиями знаменитых произведений живописи и скульптуры, представляла собой своего рода открытый музей. Дарования Волконской, яркая красота, образованность и страстная любовь к искусству привлекали в ее салон знаменитых поэтов, художников и писателей. У нее бывали А.С. Пушкин, Е.А. Баратынский, А.А. Дельвиг, П.А. Вяземский, Д.В. Давыдов, Д.В. Веневитинов, В.Ф. Одоевский, П.Я. Чаадаев, С.А. Соболевский, С.П. Шевырев, М.Н. Загоскин, А.Н. Муравьев, С.Е. Раич, И.И. Козлов, М.П. Погодин. В ее салоне выступал со своими импровизациями Адам Мицкевич. К осени 1825 г. в салоне Волконской становятся постоянными посетителями «любомудры». Салон Волконской просуществовал только четыре года (с конца 1824 г. по начало 1829 г.), но сыграл значительную роль в культурной жизни Москвы.

Авдотья Петровна Елагина (1789–1877), урожденная Юшкова, по первому браку Киреевская, была хозяйкой знаменитого в Москве салона, существовавшего на протяжении нескольких десятилетий [21, с. 165–209]. С середины 1820-х до конца 1840-х гг. дом Елагиных был одним из центров культурной жизни Москвы. У них бывали Пушкин, Жуковский, Соболевский, Баратынский, Вяземский, А.И. Тургенев. В 1840-х гг. в ее салоне появляются Герцен, Огарев, Самарин, Аксаковы, Кавелин. В беседах гостей о прошлом и будущем России развивались идеи, позже ставшие основой славянофильской идеологии. Именно в этом салоне был прочитан один из первых манифестов славянофильства — статья А.С. Хомякова «О старом и новом» (1839) [37, с. 462–465]. Современники описывают Авдотью Петровну как живую, широко образованную, приветливую, необыкновенно добрую женщину. Елагина была племянницей В.А. Жуковского (дочерью его сестры, Варвары Афанасьевны), поэт был ее первым учителем и наставником и на всю жизнь остался ее близким другом. Кавелин писал, что салон Елагиной «был средоточием и сборным местом всей русской интеллигенции, всего, что было у нас самого просвещенного, литературно и научно образованного» [19, с. 320].

Графиня Евдокия Петровна Ростопчина, урожденная Сушкова (1811–1858) была не просто хозяйкой салона, но поэтессой и переводчицей. Писала она также прозаические и драматургические сочинения, которые читала гостям в своем салоне. Сочинения были длинные и неинтересные, слушатели изнывали от скуки, но графиня беспощадно заставляла их прослушать все произведение целиком. Гости мирились с этой слабостью хозяйки, женщины во многих отношениях блестящей. Евдокия Петровна была несчастлива в браке и постоянно окружена толпой поклонников, ухаживания которых принимала весьма благосклонно. В свете о ней много сплетничали и злословили, но в ее салоне не было недостатка посетителей: знаменитые писатели и актеры, ученые и литераторы собирались на «субботы Ростопчиной» в ее доме в Москве ради очаровательной хозяйки, интересного общества и увлекательной беседы. В разные годы среди ее гостей бывали Пушкин, Жуковский, Вяземский, Одоевский, Виельгорский, Соболевский, Соллогуб, Плетнев, Самарин, Лев Толстой, И.С. Тургенев, Дружинин, Григорович.

Большинство знаменитых салонов находились в столице — Санкт-Петербурге. Княгиня Евдокия Ивановна Голицына, урожденная Измайлова (1780–1850), известная под прозваниями «*princesse Nocturne*» («ночная княгиня») и «*princesse Minuit*» («княгиня полуночи»), отличалась необыкновенной красотой и экстравагантностью поведения. В своем салоне она принимала гостей по ночам, так как ей было предсказано, что она умрет ночью. Голицына решительно бросила нелюбимого мужа и несколько лет открыто жила в гражданском браке с М.П. Долгоруковым вплоть до его смерти. По тем временам это были поступки очень смелые и даже эксцентричные. Бывшая московская барышня, воспитанная в старинных патриархальных традициях, удивительно легко превратилась в самостоятельную, независимую, эмансипированную, как сказали бы позже, женщину. Княгиня была прекрасно образована и любила рассуждать на отвлеченные темы, из-за чего получила в свете прозвище «Пифия» по имени жрицы-прорицательницы Дельфийского оракула. В ее петербургском салоне собирались российские и приезжие знаменитости, которых привлекала яркая и необычная личность хозяйки. В разное время посетителями ее салона были Карамзин, Пушкин, Жуковский, Батюшков, Вяземский, Баратынский. В ранний период своего существования в начале 1800 г. голицынский салон был явно ориентирован на французскую салонную культуру, среди гостей перебивало много французов, а также русских аристократов, имевших успех в парижском обществе, таких как княгиня Н. Куракина

и граф Ф. Головнин. Война 1812–1814 гг. изменила направление общественных и интеллектуальных интересов Голицыной. Княгиня превращается в пылкую патриотку, погружается в изучение исторических, социальных и философских вопросов, связанных в ее представлении с благом России. В 1815–1817 гг., после ее возвращения из Франции, главной темой, занимающей посетителей ее салона, становится политика. Салон не имел какой-то определенной политической направленности, но отличался вольнодумием: здесь обсуждались проблемы свободы и деспотизма, социального прогресса и правопорядка. К середине 1820-х гг. взгляды Голицыной принимают форму религиозного фанатизма с мистическим оттенком. Выступая со своими мистико-религиозными рецептами спасения России, Голицына приобретает в обществе репутацию «чудачки». Едва ли не к ней относится насмешливое выражение «академик в чепце» в III главе «Евгения Онегина» [48, с. 152–155; 49, с. 186–202].

Софья Дмитриевна Пономарева, урожденная Позняк (1794–1824), принадлежала к незнатной и небогатой семье. Отец ее был чиновником одного из петербургских департаментов, муж, сын богатого откупщика, вышел в отставку в чине капитана и стал канцелярским служащим. Хотя в отцовском доме Софья Дмитриевна получила прекрасное литературное и музыкальное образование, была одарена ясным умом, остроумием и женской привлекательностью, ей нелегко было равняться с такими царицами высшего света, как княгиня Голицына. Однако исключительно благодаря личным качествам Пономарева становится подлинной царицей в собиравшемся у нее избранном кругу. Софья Дмитриевна принимала у себя в салоне только мужчин и сводила их с ума своим кокетством и непостоянством. Любовная игра, порой рискованная для самой хозяйки и всегда мучительная для очередной ее жертвы, во многом определяла жизнь этого салона. Вся атмосфера салона Пономаревой носила во многом игровой характер. В нем было создано дружеское литературное общество — «Вольное общество любителей Премудрости и Словесности». Под «премудростью» имелась в виду сама Софья Дмитриевна (от греческого *Sophia* — премудрость). Затем оно переименовывается в «Сословие Друзей Просвещения» (по инициалам хозяйки — С.Д.П.). Ритуал своеобразной инициации новых членов кружка пародировал масонские ритуалы, а шуточные прозвища придавали собранию карнавальную окраску. Однако в этой обстановке находилось место для серьезных разговоров об искусстве и литературе, которые хозяйка вела со знаменитыми поэ-

тами и литераторами, собиравшимися в ее салоне. Ее гостями бывали А.Е. Измайлов, А.А. Дельвиг, П.А. Плетнев, А.Д. Илличевский, Н.И. Гнедич, Е.А. Баратынский, И.А. Крылов, О.М. Сомов, В.И. Панаев. К несчастью, салон Пономаревой просуществовал недолго, с 1821 по 1824 гг.: Софья Дмитриевна неожиданно скончалась в самом расцвете лет, оплаканная своими друзьями и поклонниками³.

В конце 1820-х гг. в Петербурге образовался «карамзинский салон». Екатерина Андреевна Карамзина, урожденная Кольванова (1780–1851), вдова историографа, по праву считалась одной из выдающихся женщин своего времени. Она помогала Карамзину в его работе над многотомной «Историей государства Российского», а после его смерти участвовала в подготовке последнего, 12-го тома этого труда. Семья Карамзиных не принадлежала к аристократии, но являлась центром притяжения для наиболее культурной и образованной части общества. В скромном салоне Карамзиных (второй хозяйкой салона по справедливости нужно назвать дочь историографа от первого брака Софью Николаевну) с его простой обстановкой и незатейливым угощением собиралось самое избранное общество. Здесь бывали Пушкин, Жуковский, А.И. Тургенев, Вяземский, Соллогуб, Одоевский, Плетнев, Хомяков, Блудов, Титов. Карамзинский салон просуществовал около двух десятилетий (с конца 1820-х до конца 1840-х гг.), не изменяя своего характера, сохраняя «традиции остроумной беседы и умственных интересов»⁴.

Елизавета Михайловна Хитрово, урожденная Кутузова (1783–1839), и ее дочь Дарья Федоровна (Долли) Фикельмон, урожденная Тизенгаузен (1804–1863), были хозяйками петербургских салонов, о которых обычно пишут как о едином салоне Хитрово-Фикельмон. Строго говоря, у матери и дочери был у каждой собственный салон. Посетителей принимали в здании Австрийского посольства: Долли была замужем за послом Австрии графом Шарлем Фикельмоном. Елизавета Михайловна встречала гостей в своих личных апартаментах в первой половине дня. Долли Фикельмон устраивала приемы по вечерам в гостиной посольской резиденции. Однако общие взгляды и интересы, высокий интеллектуальный уровень бесед, истинно светский, европейский стиль делали их салоны родственными не только по семейным связям, но и по духу. К тому же у Елизаветы Михайловны и Долли было так много общих друзей, что в их салонах собирался приблизительно один и тот же

³ О С.Д. Пономаревой и ее салоне см.: [8].

⁴ *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М.: Изд-е М. и С. Сабашниковых, 1928. Вып. 1. С. 70.

круг людей. Здесь можно было встретить Пушкина, Жуковского, Вяземского, Гоголя, В.А. Соллогуба, А.И. Тургенева, И.И. Козлова.

Во взглядах Елизаветы Михайловны горячий русский патриотизм легко уживался с европейской широтой взглядов. В ее характере своеобразно сочетались черты добродушной и простодушной русской женщины и безукоризненно воспитанной светской дамы.

Долли Фикельмон помимо внешнего очарования выделялась среди других светских дам своим светлым умом и обширными познаниями. Все ее рассуждения на темы политики, истории и литературы отличались ясностью мысли, логической стройностью и литературным блеском. Она вела дневник и писала исключительно интересные письма. Унаследованная от матери способность к искренней и самоотверженной дружбе соединялась в ней с какой-то удивительной чуткостью и проницательностью, едва ли не даром предвиденья. Не случайно еще в юности ее прозвали «Сивиллой флорентийской». Она очаровывала собеседников безукоризненными манерами и утонченным шармом. Салоны Хитрово-Фикельмон, где русские поэты и писатели встречались с европейскими дипломатами и знаменитостями, носили особенный, русско-европейский характер. Вяземский писал: «Вся животрепещущая жизнь, европейская и русская, политическая, литературная и общественная, имела верные отголоски в двух этих родственных салонах» [12, с. 493]. Пушкин мог познакомиться там едва ли не со всеми представителями дипломатического корпуса. Для поэта, никогда не выезжавшего за границу, эти салоны были «поистине “окном в Европу”, откуда вливались в туманный и холодный Петербург яркий свет и вольный воздух или, по крайней мере, их отражение»⁵. Салон существовал десять лет; в 1829 г. супруги Фикельмон приехали в Россию, в 1839 г. умерла Елизавета Михайловна, а в 1840 г. Фикельмон был отозван в Вену.

Александра Осиповна Смирнова-Россет (1809–1882), до замужества фрейлина двора, была знаменита яркой оригинальной красотой и серьезными интеллектуальными запросами.

Благодаря счастливому сочетанию женской прелести, недюжинного ума и острого язычка, Александра Россет собирала вокруг себя широкий круг друзей и поклонников. Среди них были Жуковский, Пушкин, Вяземский, Гоголь, Плетнев, А.И. Тургенев, Одоевский, Хомяков, Соболевский. Ее называли «обворожительницей», «сиреной-очаровательницей», «девой-розой», «колибри Арзамаса»,

⁵ *Измайлов Н.В.* Пушкин и Е.М. Хитрово. 1827–1832 // Труды Пушкинского Дома. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Вып. 48. С. 193.

«южной ласточкой». Кто-то прозвал смуглую черноглазую красавицу Donna Sol — по имени главной героини драмы Виктора Гюго «Эрнани». «Придворных витязей гроза», — писал о ней Пушкин⁶, а Жуковский прозвал ее «небесным дьяволенком»⁷. Россет привлекала поэтов не только своей красотой, но и тонким литературным вкусом, они ценили ее глубокие и точные суждения о литературе и поэзии. Так, и скромная комната фрейлины, где она жила с 1828 г., а затем семейный дом Александры Осиповны (с 1832 г.), благодаря хозяйке, превращались в блестящий салон [45, с. 254–258]. Весной 1835 г. ее муж Н.М. Смирнов получил назначение в русское посольство в Берлине, и супруги уехали из России.

Существовали и такие салоны, где хозяином был мужчина или же супружеская пара.

Одним из самых своеобразных центров культурной жизни столицы был салон Владимира Федоровича Одоевского (1804–1869). Князь Одоевский принадлежал к одному из самых древних родов России, но будучи человеком чрезвычайно скромным, немного стеснялся своего аристократического происхождения и отдавал все силы служению литературе, искусству и просвещению. Круг его интересов был необычайно широк: писатель, журналист, литературный и музыкальный критик, чиновник Министерства внутренних дел, он в то же время увлекался философией, естественными науками, средневековой мистикой. В 1826 г. Одоевский переезжает в Петербург, и его дом быстро превращается в блестящий литературный и музыкальный салон. В салоне Одоевского собирались как члены кружка «любомудров», перебравшихся в Петербург, так и писатели пушкинского круга — сам Пушкин, Вяземский, Жуковский, позднее в салоне появляются Гоголь и Лермонтов. Кроме писателей у Одоевского можно было встретить композитора М.И. Глинку, знатока Китая отца Иакинфа, археолога Сахарова, немецкого путешественника барона Шиллинга, французских дипломатов и блестящих светских дам.

Алексей Николаевич Оленин (1763 или 1754–1843) — историк и археолог, директор Публичной библиотеки, президент Академии художеств, член Государственного Совета превратил в салон и свою петербургскую квартиру на Дворцовой набережной, и имение «При-

⁶ Ее глаза («Она мила — скажу меж нами...») (1828) // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1949. Т. III. С. 108. Далее при цитировании данного издания указывается том (римская цифра) и страница (арабская цифра) в круглых скобках.

⁷ *Жуковский В.А.* А.О. Смирновой («Милостивая государыня Александра Иосифовна...») // *Жуковский В.А.* Собр. соч.: в 4 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. Т. I. С. 382.

ютино» в 16 верстах от столицы. В салоне Олениных гости попадали в атмосферу радушия и гостеприимства большой дружной семьи: их встречали сам Алексей Николаевич, его жена Елизавета Марковна, урожденная Полторацкая (1768–1838), их взрослые сыновья и дочери. «Нигде нельзя было встретить столько свободы удовольствия и пристойности вместе, в одном семействе — такого доброго согласия, такой взаимной нежности, ни в каких хозяевах — столь образованной приветливости. Всего примечательнее было искусное сочетание всех приятностей европейской жизни с простотой, с обычаями русской старины», — вспоминал Вигель [10, с. 191]. Здесь собирались писатели и художники, ученые и артисты — русские и иностранные знаменитости. Сыновья Олениных приглашали своих друзей и сослуживцев — молодых гвардейских офицеров. В салоне Олениных обсуждались все литературные и художественные новости, книги, картины и спектакли — «словом, все, что могло питать любопытство людей, более или менее движимых любовью к просвещению»⁸. На протяжении многих лет у Олениных бывали писатели разных поколений и литературных партий: Пушкин, Вяземский, А.А. Шаховской, В.А. Озеров, Н.И. Гнедич, К.Н. Батюшков, А.И. Тургенев, В.А. Жуковский, И.А. Крылов, П.А. Катенин и др. Салон посещали художники Ф.П. Брюллов и К.К. Гампельн, архитекторы В.П. Стасов и К.А. Тон, скульптор С.И. Гальберг, композитор М.И. Глинка. В непринужденной атмосфере этого дома велись серьезные беседы об искусстве и отечественной словесности и организовывались бесконечные веселые забавы: шарады, фанты, горелки, театрализованные представления, в которых охотно участвовали гости всех возрастов и званий. Знаменитые праздники с фейерверками, иллюминациями и театральными постановками устраивались по случаю дня рождения и именин хозяйки дома. Елизавета Марковна не оставалась в тени своего знаменитого мужа: «...Образец женских добродетелей, нежнейшая из матерей, примерная жена, одаренная умом ясным и кротким нравом, она оживляла и одушевляла общество в своем доме» [1, с. 39]. После ее смерти в 1838 г. салон Олениных перестает существовать в своем прежнем виде (см.: [33, с. 129–133]).

Как видим, хозяева и хозяйки знаменитых салонов были совершенно разными людьми, и столь же не похожими друг на друга были их салоны. При этом среди завсегдатаев столь разных собраний постоянно встречались одни и те же лица. Поэты и писатели — по-

⁸ А.В. [Уваров С.С.] Литературные воспоминания // Современник. 1851. Т. 27, № 6. Отд. II. С. 40.

стоянные гости светских салонов — выступали как участниками, так и творцами салонной культуры с ее непререкаемым литературным компонентом. Пушкин, Вяземский, Жуковский, Баратынский, Соллогуб и др., видимо, одинаково свободно чувствовали себя в скромной гостиной Карамзиных, роскошных апартаментах Голицыной, причудливом кабинете Одоевского, блестящем посольском особняке Хитрово-Фикельмон и в комнатке фрейлины Россет. Во-первых, способность легко менять манеру поведения в зависимости от компании и от ситуации вообще отличала хорошо воспитанного человека того времени. Во-вторых, яркие индивидуальности и гостей, и хозяев оставались в рамках общих традиций поведения в свете.

Успех салона определяло прежде всего умение хозяев принимать гостей и вести вечер. Е.Ф. Юнге (дочь Ф. Толстого) вспоминала: «В салоне мать моя была удивительная хозяйка: глаз ее был всюду; она умела возбудить интерес застывающего разговора, соединить разнородные элементы, поднять настроение общества» [53, с. 74]. А.И. Кошелев в своих воспоминаниях о Е.А. Карамзиной отмечал: «Хозяйка дома умела всегда направлять разговоры на предметы интересные»⁹. В салоне В.Ф. Одоевского, писал В.А. Соллогуб, «...хозяин дома, то прислушивался к разговору, то поощрял дебютанта, то тихим своим добросердечным голосом делал свои замечания, всегда исполненные знания и незлобия»¹⁰. А.Ф. Тютчева в своих воспоминаниях описывала, как принимала гостей Софья Николаевна Карамзина:

Я как сейчас вижу, как она, подобно усердной пчелке, порхает от одной группы гостей к другой, соединяя одних, разъединяя других, подхватывая остроумное слово, анекдот, отмечая хорошенький туалет, организуя партию в карты для стариков, *jeux d'esprit* для молодежи, вступая в разговор с какой-нибудь одинокой мамашей, поощряя застенчивую и скромную дебютантку, одним словом, доводя умение обходиться в обществе до степени искусства и почти добродетели¹¹.

Воспоминания современников, даже с поправкой на возможную идеализацию ушедших лет, передают удивительную атмосферу са-

⁹ Кошелев А.И. Мои воспоминания о Хомякове // Русский Архив. 1879. Т. 3, № 11. С. 266.

¹⁰ Соллогуб В.А. Воспоминания о кн. В.Ф. Одоевском // В память о кн. В.Ф. Одоевском. М.: В тип. «Руссаго», 1869. С. 90.

¹¹ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М.: Изд-е М. и С. Сабашниковых, 1928. Вып. 1. С. 3.

лонов 1820–1830-х гг. с ее интеллектуальным блеском, неизменной благожелательностью, тонкой любезностью и непринужденным весельем. П.А. Вяземский, В.А. Соллогуб, А.П. Керн, Д.М. Веневитинов, К.А. Кавелин, А.Ф. Тютчева, А.И. Кошелев, М.П. Погодин, Ю. Арнольд, А.И. Тургенев и другие мемуаристы единодушны в своем отношении к салонам как культурным оазисам, резко выделявшимся на общем фоне российской жизни. Однако существование таких оазисов вызывало в обществе не только восхищение, но и раздражение. Уже в 1820–1830-х гг. салоны становятся в глазах тех, кто являлся или считался демократом, символом высокомерия светского общества, скрывающего под внешним блеском пустоту и равнодушие к заботам реальной жизни. С восторженными воспоминаниями завсегдаев салонов резко контрастируют другие отзывы.

М.П. Погодин, яркий деятель культуры своего времени, журналист, переводчик, издатель, писатель и историк, был сыном крепостного графа И.П. Салтыкова, отец его получил вольную, когда мальчику было шесть лет. Благодаря своим способностям и кипучей энергии, он многого достиг: стал профессором Московского университета, академиком Петербургской академии и получил чин тайного советника. Уже в молодости он попал в избранный круг светского общества, был принят в знаменитых салонах З.А. Волконской, В.Ф. Одоевского, А.П. Елагиной. В его воспоминаниях о салоне Одоевского, о посещениях домов Н.М. Карамзина и И.И. Дмитриева звучат только благодарность и доброжелательность. В то же время герой повести «Адель» (1830) — alter ego автора, красочно живописует «ужасы большого света»:

Это... это гнездо разврата сердечного, невежества, слабоумия, низости! <...> Ни одна высокая мысль не сверкнет в этой удушливой мгле, ни одно теплое чувство не разогреет этой ледяной коры. Люди не благоговеют там перед гением, не радуются успехам просвещения, не принимают участия в судьбе человечества... [40, с. 277].

Хотя этот монолог нельзя, конечно, считать выражением позиции самого Погодина, в нем, видимо, звучат затаенные личные чувства.

А.В. Никитенко 24 января 1826 г. записывает в своем дневнике:

У г-жи Штерич собирается так называемое высшее общество столицы, и я имею случай делать полезные наблюдения. До сих пор я успел заметить только то, что существа, населяющие «большой свет», сущие автоматы. Кажется, будто у них совсем нет души. Они

живут, мыслят и чувствуют, не сносясь ни с сердцем, ни с умом, ни с долгом, налагаемых на них званием человека. Вся жизнь их укладывается в рамки светского приличия. Главное правило у них: не быть смешным. А не быть смешным, значит рабски следовать моде в словах, в суждениях, действиях так же точно, как в покрое платья. В обществе «хорошего тона» вовсе не понимают, что истинно изящно, ибо общество это в полной зависимости от известных, временно преобладающих условий, часто идущих вразрез с изящным. Принужденность изгоняет грацию, а систематическая погоня за удовольствиями, делает то, что они вкушаются без наслаждения и с постоянным стремлением как можно чаще заменять их новыми. И под всем этим таятся самые грубые страсти. Правда, на них набрасывают покров внешнего приличия, но последний так прозрачен, что не может вполне скрыть их. Я нахожу здесь те же пороки, что и в низшем классе, только без добродетелей, прирожденных последнему. Особенно поражают меня женщины. В них самоуверенность, исключая скромность. <...> Я знаю теперь, что «ловкость» и «любезность» светской женщины есть не иное что, как способность с легкостью произносить заученное <...>. Знание французского языка служит как бы пропускным листом для входа в гостиную «хорошего тона». Он часто решает мнение о вас целого общества и освобождает вас, если не навсегда, то надолго, от обязанностей проявлять другие, важнейшие права на внимание благосклонность публики [31, с. 10–11].

Молодому человеку, который пишет эти строки, всего двадцать два года, он студент Петербургского университета, но совсем недавно был крепостным графа Н.П. Шереметева и лишь два года назад получил вольную. Симпатии к тем, кого он считает баловнями судьбы, от него ожидать трудно. Впрочем, его отношение к светскому обществу остается неизменным, 11 января 1828 г., посетив концерт в доме Нарышкина, он записывает в своем дневнике: «...надо отдать справедливость дамам высшего круга: их внешнее воспитание так утонченно, что весьма успешно скрывает недостаток в них внутреннего содержания. Если они в сущности не больше, чем куклы, то все же прелестные куклы...» [31, с. 75].

Необходимо уточнить, кто, собственно, является объектом этой критики. Так называемая светская жизнь состояла из посещений балов, раутов, гуляний и, конечно, салонов. Повсюду присутствовал примерно один и тот же круг людей, условно и называемый «обществом». Резкие отзывы о светском обществе мы встречаем

не только у сторонних критиков, но и у самих светских людей. Любое человеческое сообщество несовершенно, и светское общество в России первой половины XIX в. не являлось исключением. Нужно учитывать, однако, что Пушкин или Вяземский критиковали светское общество не потому, что предпочитали ему какое-нибудь другое, а потому, что с огорчением видели его недостатки и пороки. Салоны, являясь частью светского общества, представляли собой наиболее культурную и образованную его часть, но недоброжелатели часто не видели или не хотели видеть отличия.

Например, 18 июня 1847 г. Никитенко записывает: «Вечер провел у Норова, где, как и во всех салонах, царствовали карты и скука» [31, с. 334]. В записи от 6 января 1852 г. благожелательно отозвавшись о дамах (Опочиненой и Скобелевой), которых посетил вместе с графом Д.А. Толстым, он не преминул заметить: «обе эти дамы читают, и даже по-русски, интересуются мыслию, поэзией, искусством и в разговорах касались предметов, о которых редко толкуют в салонах» [31, с. 340].

Разумеется, нетрудно заметить предвзятость автора дневника: в салонах «толковали» преимущественно как раз о поэзии и искусстве, такие светские дамы, как Голицына, Волконская, Фикельмон, Ростопчина, Смирнова-Россет, пустыми «куклами» отнюдь не являлись, а учить их «хорошему тону» было бы нелепо. Никитенко — человек умный и одаренный, он сделал блестящую карьеру: стал цензором, известным и уважаемым профессором, академиком Петербургской академии. Как видим, его приглашали и, очевидно, приветливо встречали в светских салонах. Справедливая обида за перенесенные в ранней юности унижения должна бы уже давно уйти в прошлое, сменившись гордостью за свое теперешнее положение. Однако раздражение и недоброжелательность не слабели с годами, напротив, эти чувства оправдывали его убеждения и оправдывались ими.

Позиция таких людей, как Никитенко (их наверняка было гораздо больше, чем известных мемуаристов) заслуживает обсуждения. Постоянные гости салонов, среди которых, как мы помним, были выдающиеся поэты и известные литераторы, вспоминают не только об увлекательных разговорах с интересными собеседниками, но и об удивительно теплой, доброжелательной атмосфере салона. Могло ли умным и дельным людям, в самом деле, быть скучно и неудобно в светских литературных салонах?

В салонах существовали особые, неписанные правила поведения, отличавшие эти собрания от других традиционных занятий

светского общества. Основной целью постоянно собиравшихся в салоне людей было, прежде всего, их общение между собой. Общение, ни на что другое не претендующее и не преследующее никаких практических целей. В салонах редко танцевали и часто ограничивались очень скромным угощением. Иногда слушали музыку, пение, стихи — когда среди гостей присутствовали поэты, певцы или музыканты. Но главное — гости беседовали. Светская беседа была основным и излюбленным занятием завсегдатаев салонов. Мемуарная литература сохранила самые противоречивые отзывы о таких беседах. Они превозносились как самое увлекательное интеллектуальное развлечение, одно из высших достижений цивилизованного общества; и они же высмеивались как самое пустое занятие, искусство говорить ни о чем. Разумеется, светская беседа, как и любая другая беседа, в большой степени зависела от конкретных собеседников — от их ума, образованности, остроумия и обаяния. Но своеобразие светской беседы, очаровывавшее одних и раздражавшее других, состояло в самой манере разговора и — шире — в манере общения. Иначе говоря, чтобы вести светскую беседу, нужно было быть светским человеком.

Особенный шарм светского человека состоял в своеобразном сплаве серьезности и легкомыслия. Этот сплав проявлялся и в языке светской беседы, в самой ее интонации. Легко переходя от одной темы к другой, собеседники любили иронизировать над тем, к чему относились вполне серьезно; это был не цинизм, а лишь игра ума, от которой они получали особенное удовольствие. Характер светской беседы точно описан в XXIII строфе восьмой главы «Евгения Онегина»:

...Входят гости.
Вот крупной солью светской злости
Стал оживляться разговор;
Перед хозяйкой легкий вздор
Сверкал без глупого жеманства,
И прерывал его меж тем
Разумный толк без пошлых тем,
Без вечных истин, без педанства,
И не пугал ничьих ушей свободной живостью своей

[39, с. 176].

Разговаривая, гости предавались самому искусству беседы, а не стремились о чем-либо «договориться». В своей книге «О Герма-

нии» Ж. де Сталь, вспоминая парижские салоны своей молодости, пишет:

Род удовольствия, который дает испытать одухотворенная беседа, не заключается, собственно говоря, в содержании разговора; идеи и сведения, которые в нем можно развить, не составляют главного его интереса. Это утверждение, на первый взгляд, изумляет. В той же мере профанам не дано постичь, что в живописи, скульптуре, поэзии — содержание — дело второстепенное. Знаток, прежде всего, ценит формальное совершенство произведения» [26, с. 74].

Очевидно, здесь есть некоторое преувеличение: обычные для парижских салонов дебаты по литературным и политическим вопросам вряд ли были столь безразличны к содержательной их стороне. Однако внимание именно к формальной стороне беседы, ее эстетическому совершенству являлось отличительной особенностью салонного общения. В России 1810–1820-х гг. эта особенность осмыслялось в рамках большой культурной программы. Ю.М. Лотман писал, что «карамзинисты придавали исключительно большое значение «разговору высшей образованности» в общей системе культуры». Одну из целей общества «Арзамас» исследователь усматривал в стремлении развивать культуру салонной речи и светского красноречия, чтобы «в непринужденной беседе рождалась бы традиция культурно-значимого разговора, а звучащая речь возводилась бы в ранг искусства» [25, с. 436].

В салонах могли говорить о чем угодно: о политике, об искусстве, обсуждать светские новости и литературные новинки, даже сплетничать о знаменитостях и общих знакомых (как тогда выражались, «злословить»). Следовало лишь удерживать разговор в довольно узких стилевых и этических рамках; считалось неприличным говорить о своих неприятностях и болезнях, задавать вопросы личного характера, но столь же неуместными казались пространственные рассуждения или восторженные излияния.

Характерной чертой салонного общения было непринужденное соединение серьезных интеллектуальных разговоров и почти детских забав.

Гости с удовольствием занимались светскими играми (*jeux de société*): сочиняли шарады, живые, т. е. театрализованные шарады (*charades en action*). В этом случае намеки на значение частей слова давались не в словесном описании, а в разыгранной сценке. Остроумные живые шарады ставились, в частности, в доме Олениных,

в салоне Зинаиды Волконской (см.: [33, с. 19, 73–74, 177–178, 294; 34, с. 7; 11, с. 56–57]). Другим излюбленным развлечением были живые картины: несколько соответствующим образом одетых и иногда слегка загримированных людей старались либо точно воспроизвести одно из известных живописных полотен, либо представить в лицах какую-либо сцену из истории или мифологии. Говорящие живые картины являлись уже, по существу, маленькими спектаклями и непосредственно примыкали к домашним театральным постановкам [20, с. 72, 222]. В домах А.Н. Оленина и Ф.П. Толстого, А.П. Елагиной, где собирались известные поэты и художники, спектакли и театрализованные игры достигали уровня настоящего искусства [28, с. 227–232].

Салонные игры органично существовали в атмосфере театрализованного, игрового быта, отличавшего светское общество первой половины XIX в. [24]. Однако это были не просто развлечения, а, можно сказать, устные жанры салонной культуры. Такие словесные игры, как буриме (стихотворения на заданные рифмы), акrostихи (стихотворения, написанные с таким расчетом, чтобы начальные буквы строк образовывали чье-либо имя, слово или целую фразу) требовали достаточно хорошей литературной подготовки и демонстрировали подчас настоящее мастерство.

Характерной особенностью светской беседы было использование в речи каламбуров (каламбур — французское название игры слов, одинаково пишущихся или произносимых, но разных по смыслу). Французский язык, богатый омонимами и омофонами, открывал в этом смысле большие возможности. Своими каламбурами славились в обществе отец и дядя Пушкина, некоторые их остроты сохранили мемуаристы. Василия Львовича спрашивают: «*Quelle ressemblance y-a-t-il entre le soleil et vous, m-r Pouchkine? — C'est qu'on ne saurait fixer l'un et l'autre sans faire la grimace*» — тотчас ответил он¹² [2, с. 38]. В данном случае в слово «гримаса» намеренно вкладывается разный смысл. Каламбур не обязательно имел невинно-развлекательный характер. Например, по рассказу брата Н.Н. Гончаровой известен следующий эпизод: обер-церемониймейстер граф Ю.П. Литта вздумал сделать Пушкину замечание насчет несоблюдения им формы и сказал: «*Il y a des règles pour tout, mon cher ami*»¹³. Пушкин вспыхнул и отвечал: «*Pardon, monsieur le comte, je pensais toujours qu'il n'y avait de règles que pour les Mesdemoiselles*

¹² «В чем сходство между солнцем и вами, г. Пушкин? — В том, что нельзя без гримасы разглядывать нас обоих» (франц.)

¹³ «Есть правила на все, любезный друг» (франц.)

d'honneur!»¹⁴ [41, с. 227]. Пушкин здесь обыграл французский каламбур: *les règles* означает и правила этикета, и физиологическое явление. П.А. Вяземский в письме к А.И. Тургеневу от 25 октября 1835 г. описал сцену, произошедшую в Кабинете министров. Разговор зашел о Шереметеве и «кто-то сказал qu'il avait la fièvre scarlatine»¹⁵. «Et vous, vous avez la fièvre de l'attente»¹⁶, сказал громогласным голосом своим Литта, оборотившись к Уварову, который один из наследников Шереметева. Уж прямо как из пушки выпалило» [36, с. 227].

Своеобразный характер носило и салонное остроумие. Остроумие, конечно, индивидуальный дар, но в светском общении он оттачивался и культивировался. Остроты, каламбуры, меткие слова, которыми блистали завсегдатаи салонов, не просто придавали светской беседе пикантность и занимательность, но выполняли своего рода культурную функцию. Оригинальные словесные формулы (*bons mots*), остроты, парадоксы и афоризмы часто вовсе не были спонтанной реакцией собеседников, они придумывались заранее и использовались при подходящем случае. По свидетельству П.А. Вяземского, князь Долгорукий, известный своими каламбурами, даже выдумывал их за других, и в своих рассказах вкладывал их в уста известных личностей [12, с. 4]. «Парадокс доведенной до артистизма устной речи заключается в соединении уникальных отдельных речевых ситуаций и повторяемости вписанных в них афоризмов или *bons mots*» [52, с. 23]. Особенно удачные остроты и афоризмы повторялись, запоминались, обогащая тем самым разговорный язык. При передаче из уст в уста словесные формулы несколько менялись, делались более острыми и выразительными. Во многих случаях уже трудно было установить авторство того или иного афоризма, оттачивание словесной формы полюбившихся высказываний становилось делом целого круга. Образцы особенно удачных острот сохранили «Старые записные книжки» Вяземского, придававшего большое значение таким «отголоскам живой речи». Например: «А.Л. Нарышкин не любил государственного канцлера графа Румянцева и часто трунил над ним. Сей последний носил до конца своего косу в прическе своей. “Вот уж подлинно скажешь, — говорил Нарышкин: нашла коса на камень”» [12, с. 130]. «На берегу Рейна предлагали А.Л. Нарышкину взойти на гору, чтобы

¹⁴ «Извините, граф, я полагал всегда, что регулы существуют только у фрейлин» (франц.)

¹⁵ у него скарлатинная лихорадка (франц.)

¹⁶ а у вас, у вас лихорадка ожидания (франц.)

полюбоваться окрестными живописными картинами. «Покорнейше благодарю, — отвечает он, с горами обращаюсь всегда как с дамами: пребываю у их ног»» [12, с. 137]. Примечательные высказывания и остроты исторических лиц записывались и Пушкиным, см.: «Table-talk» (XII, 156–173), «Разговоры Загряжской» (XII, 174–177). Возможно, людям другой эпохи подобные остроты не покажутся особенно смешными, но они и не были призваны вызывать гомерический хохот. Собеседники наслаждались тонкой словесной игрой, изящной формой высказывания. Салонная беседа была, разумеется, импровизацией, но, как и в любой успешной импровизации, в ней присутствовал элемент хорошей подготовки. Беседа становилась, таким образом, не просто обменом мнениями, но видом словесного творчества, тем, что Вяземский называл «устной литературой»: «Литература есть выражение современного общества. Какое же тут выражение, когда многие и многие из этого общества чуждаются пера и не умеют им владеть? У нас была и есть устная литература. Жаль, что ее не записывали» [12, с. 29]. Устная литература, безусловно, оказывала заметное влияние на литературу письменную, тем более, что творцами являлись часто одни и те же люди.

Очевидную параллель со светской беседой мы видим в эпистолярном наследии людей этого круга. Письмо, написанное по конкретному, часто вполне прагматическому поводу и предназначенное только для одного читателя, является импровизацией по определению. Однако эпистолярные послания пестрят теми же афоризмами, каламбурами и *bons mots*, многие из которых родились наверняка не в момент написания письма. «Гнедич классически обнимает романтическую фигуру твою»¹⁷, «Я истинно желаю, чтоб *непокойные* стихотворцы оставили бы нас в покое»¹⁸; «Обнимаю тебя за твоего *Демона*. К черту черта! <...> Прости, чертик, будь ангелом. Завтра же твой ангел...»¹⁹, «Ах, мой милый, вот тебе каламбур на мой анекдот: друзья хлопочут о моей *жиле*, а я о *жилье*. Каково?»²⁰; «Ах! Каламбур! Скажи княгине, что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, как наденет мои поясы»²¹. «Ты говоришь, что ты *бесприютен*: разве тебя уже не пускают в Приютино?»²².

¹⁷ А.А. Дельвиг — А.С. Пушкину, 3 декабря 1828 г. (XIV, 36).

¹⁸ В.Л. Пушкин — А.С. Пушкину 17 апреля 1816 г. (XIII, 4).

¹⁹ В.А. Жуковский — А.С. Пушкину 1 июня 1824 г. (XIII, 95).

²⁰ А.С. Пушкин — П.А. Вяземскому 13 сентября 1825 г. (XIII, 227).

²¹ А.С. Пушкин — П.А. Вяземскому 9 ноября 1826 г. (XIII, 305).

²² П.А. Вяземский — А.С. Пушкину 18 и 25 сентября 1828 г. (XIII, 28).

Современников отнюдь не смущала эта эпистолярная манера, которая может показаться людям другой культурной среды чем-то искусственным и претенциозным. Переписка была для них продолжением беседы со всеми ее принятыми в обществе особенностями. С этими стихотворными забавами, с искусством каламбура и салонного остроумия вообще непосредственно связаны такие литературные жанры, как надписи к портрету, мадригалы и эпиграммы, которым отдавали дань и дилетанты, и профессиональные поэты. Примеры игры слов и поэтических каламбуров мы находим и в произведениях выдающихся поэтов той эпохи.

Например: «...многие о милой Лизе мыслят, Когда она не мыслит ни о чем» (Баратынский «В альбом», 1827); «Ты раб свободный, он — раб жалкий на свободе» (Вяземский «Сибириякову», 1819); «И ныне бес меня лишь бесит / И дразнит ангельским лицом» (Вяземский «Святочная шутка», 1830). Иногда стихотворение целиком строится на каламбуре, как в стихотворении Баратынского «Девушке, которая на вопрос, как ее зовут? отвечала: не знаю»²³ (1820) или мадригал Лермонтова «Бухариной» (1831)²⁴.

Салонной традицией, непосредственно связанной с литературным творчеством, являлась мода на дамские альбомы. Эта мода, пришедшая из Западной Европы, существовала в России уже в XVIII в. и получила большое распространение в первой половине XIX в. Трудно найти знаменитого или просто известного поэта первой половины XIX в., который никогда не писал стихи в альбом. Альбом принадлежал в первую очередь культурному быту, хранил память о человеческих отношениях. Собственно литературная ценность альбома отходила на задний план, вернее сказать, поэзия здесь выступала в особом качестве — в качестве непосредственного участника частной, домашней жизни и свидетельства о ней.

По наблюдениям В.Э. Вацуро, в 1820–1830-х гг. альбомная лирика приобретает «устойчивые и даже канонические черты». Она «избегает непосредственной лирической эмоции, и в этом смысле несет в себе нечто от ритуальных форм поведения в светском обществе» [7, с. 36]. Круг сюжетов этих стихов ограничен: они должны были содержать явные или завуалированные комплименты хозяйке

²³ «Незнаю, милая Незнаю! / Краса пленительна твоя: / Незнаю я предпочитаю / Всем тем, которых знаю я» (Баратынский Е.А. Стихотворения. М.: Сов. писатель, 1948. С. 17).

²⁴ «Не чудно ль, что зовут вас Вера? / Ужели можно верить вам? / Нет, я не дам своим друзьям / Такого страшного примера! / Поверить стоит раз...но что ж? / Закона веры не забудешь — / И старовером прослынешь!» (Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: в 4 т. Л.: Наука. 1981. Т. 1. С. 236).

альбома. Однообразие сюжетов компенсировалось искусной поэтической игрой, наследующей традициям «легкой» поэзии с ее каламбурами, галантными формулами и пуантированными концовками (см.: [7, с. 36]).

Обратим внимание, что указанные исследователем особенности «легкой поэзии» являются в то же время и особенностями салонного общения. Литературные и поведенческие традиции естественным образом перетекают друг в друга, и в каждом конкретном случае трудно установить, повлиял ли стиль светской беседы на стиль альбомного стихотворения, или наоборот.

В стихах разных авторов прослеживаются типологические особенности, которые выразительно сформулировал Гоголь, говоря о поэзии Вяземского: «Его стихотворения — импровизации, хотя для таких импровизаций нужно иметь слишком много всяких даров и слишком приготовленную голову» [15, с. 390]. Используя выражение Гоголя, можно сказать, что головы поэтов той генерации были «приготовлены» не только собственно литературной традицией, но и традицией салонного общения. Примечательно шутовское замечание Пушкина в письме к жене из Москвы (14 и 16 мая 1836 г.): «Слушая толки здешних литераторов, дивлюсь, как они могут быть так порядочны в печати, и так глупы в разговоре. Признайся: так ли и со мною? право боюсь» (XVI, 116). С Пушкиным, безусловно, было «не так», он оставался еще во многом человеком устной культуры, постепенно уходящей из литературного быта.

Французское выражение *avoir du monde* (быть светским [человеком]), Честерфилд интерпретировал как «умение обратиться к людям и знать, как вести себя надлежащим образом во всяком обществе». В первую очередь следует «изучить искусство нравиться и полностью овладеть им». В своих письмах он убеждает юного сына, что «каждому человеку совершенно необходимо уметь нравиться» [47, с. 207]. В романе Ж. де Сталь «Коринна» (1807) герой, описывая свои впечатления от парижского салона 1791 г., заключает: «...казалось, величайшая в мире революция совершалась лишь затем, чтобы придать еще больше приятности парижскому обществу. Я знал высокообразованных и чрезвычайно одаренных людей, скорее одушевленных желанием нравиться, чем приносить пользу...» [44, с. 199]. В.А. Жуковский определял «большой свет» как сообщество людей, стремящихся «нравиться» друг другу²⁵. Пер-

²⁵ Жуковский В.А. Писатель в обществе // Жуковский В.А. Собр. соч.: в 4 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1960. Т. 4: Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма. С. 392.

вым правилом знаменитого *bon ton* (хорошего тона) было умение сделать свое общество как можно более приятным для окружающих.

Собственно, именно на это так или иначе были направлены все нормы поведения: как чисто этические требования (не выставлять напоказ ни богатство, ни образованность, быть приветливым и доброжелательным, щадить чужое самолюбие и проч.), так и бесчисленные правила этикета (не перебивать, не сидеть, когда другие стоят, смотреть людям в глаза и т. д.). Истинно светский человек был любезным и снисходительным, он избегал и назидательности, и запальчивости, не утомлял собеседников обстоятельными рассказами и умел найти интересную для них тему. Людям, не получившим соответствующего воспитания, было очень трудно вписаться в эту среду. Они не умели так шутить, так спорить и так веселиться. Они не находили удовольствия в светских беседах, считая их пустыми и поверхностными. Неизменная любезность и приветливость светских людей казалась им неискренней и фальшивой. Безусловно, многие привлекательные черты представителей культурной элиты: разностороннее образование, знание иностранных языков, безупречные манеры — свидетельствовали о привилегированном положении, в котором они находились с детства. Более того, даже такие качества, как снисходительность и доброжелательность, часто характеризовали людей с очень прочным собственным положением, тех, кому некому было подражать и некому завидовать. Все это не отменяло личных достоинств и дарований (далеко не все отпрыски богатых и знатных семей использовали свое положение в благих целях), но все равно рождало чувство несправедливости.

Справедливости в таком положении вещей, действительно, нет, вопрос лишь в том, как его изменить: стремиться к тому, чтобы таких людей было как можно больше, или к тому, чтобы их не было вообще.

Конфликты, вызванные несовпадением культурных и поведенческих традиций, нигде и никогда не разрешались мирно и безболезненно. Однако в принципе они могли иметь совершенно разные последствия.

Судьба французского аристократического салона, являвшегося для русского образцом и моделью, оказалось несравненно более удачной, хотя социальные потрясения во Франции были куда более масштабными и глубокими. Однако французские салоны, благополучно пережив все войны, революции и реставрации, смены общественного строя и государственного управления, сыграли важнейшую роль не только в литературной и политической жизни, но,

что самое важное, в формировании самого французского общества. О том, как смогли аристократические салоны выстоять в раскаленной политическими страстями Франции 1830-х гг., рассказывается, в частности, в книге Анны Мартъен-Фюжье «Элегантная жизнь или как возник “весь Париж”» [27, с. 95–127, 174–210]. Исследовательница приходит к выводу, что главным условием выживания стало объединение двух элит: старой аристократической и нарождающейся буржуазной. Такое объединение стало возможным благодаря встречному движению элит. Аристократия нуждалась в поддержке новой общественной силы и шла ей на уступки, раскрывая двери своих салонов для весьма пестрой, по старым понятиям, публики. А буржуазия, допущенная в высшее общество, старалась соответствовать его традициям. Этот процесс взаимной притирки отнюдь не был безболезненным, третье сословие входило в светское общество под градом насмешек и издевок. Салоны мелкой и средней буржуазии, устраивавшиеся в подражание аристократам, служили постоянным предметом зубоскальства не только в дворянских гостиных, но и на страницах газет и журналов. Несчастных хозяек этих салонов, изо всех сил старавшихся походить на светских дам, пресса третировала за «вульгарность»: имелись в виду незнание этикета и дурной вкус. Особенно доставалось депутатам французского парламента и высоким государственным чиновникам. Видный деятель французского правительства Адольф Тьер долгое время подвергался самым язвительным насмешкам за то, что он, в подражание аристократам, завел себе лошадей для верховой езды. Председателя палаты депутатов Андре Дюпена журналисты просто смешивали с грязью, представляя его читателям образцом грубости и дурных манер. Однако, несмотря на все трудности, претензии, стычки и обиды, представители разных сословий учились жить вместе, светское общество не исчезло, но изменилось, отныне в нем находилось место и для маркиза, и для профессора, и для торговца. Светские салоны, жертвуя аристократическим равнодушием к практической стороне жизни, адаптировались к изменившимся условиям и обретали социальную устойчивость. Буржуазия, в свою очередь, не отказываясь от утилитарных жизненных целей, привыкала считаться с культурными ценностями старой элиты. Французские литераторы по-прежнему являлись завсегдатаями салонов, поддерживая и собственно литературные и светские связи.

Были ли французские писатели и интеллектуалы довольны нравами, царившими в этих салонах? Разумеется, нет. В романах Бальзака, Стендаля и Мопассана даются яркие описания светского

общества 1830–1840-х гг., состоявшего из циничных аристократов, продажных журналистов и тщеславных буржуа. Судя по мемуарной литературе, общество, собиравшееся в те же годы в русских салонах, было гораздо более привлекательным. Здесь не плелись интриги, не устраивались карьеры и не заключались сделки. Правда, и влияние русских салонов на общество было гораздо более ограниченным, а собственное положение куда менее устойчивым.

Россия и Франция существовали в разных, если можно так выразиться, часовых поясах исторического времени. Французское третье сословие являлось победившим сословием: у него уже были и власть, и деньги. Ему не хватало только культуры, шарма, шика — всего того, чем пленяло и дразнило Сен-Жерменское предместье, и буржуа жадно стремились все это перенять. Российские разночинцы чувствовали себя социальными изгоями, они не желали подражать аристократам, предпочитая их презирать. В свою очередь культурная элита, даже сочувствующая демократическим тенденциям, не собиралась отказываться от своих принципов и традиций.

Тем не менее, русские светские салоны не хотели, да и не могли полностью отгородиться от другой среды и делали попытки преодолеть элитарную замкнутость. Собственно, и «Литературная газета», по мысли Пушкина, должна была представлять собой своеобразный литературный салон, гостеприимно распахивающий двери перед каждым, кому интересны ведущиеся в нем беседы²⁶. В.Ф. Одоевский в прямом смысле слова распахивал двери своего салона перед людьми, далекими от светского общества. Приветливо встречали разночинцев в салонах А.П. Елагиной и Е.П. Ростопчиной. К сожалению, все эти усилия не давали желаемого результата. Восхищенные отзывы об удивительной демократичности салона Одоевского перемежаются весьма скептическими замечаниями. В.А. Соллогуб вспоминал:

Государственные сановники, просвещенные дипломаты, археологи, артисты, писатели, журналисты, путешественники, молодые люди, светские образованные красавицы встречались тут без удивления, и всем этим представителям столь разнородных понятий

²⁶ В «Разговоре о критике» (1830) Пушкин устами одного из участников вымышленного диалога излагает суть своих представлений: «Не любопытно ли было бы, например, читать мнение Гнедича о романтизме или Крылова об нынешней элегической поэзии? Не приятно ли было бы видеть Пушкина, разбирающего трагедию Хомякова? Эти господа в короткой связи между собою и, вероятно, друг другу передают взаимные замечания о новых произведениях. Зачем не сделать и нас участниками в их критических беседах» (XI, 90).

было хорошо и ловко, все смотрели друг на друга приветливо, все забывали, что за чертой этого дома жизнь идет совсем другим порядком» [43, с. 96].

И.И. Панаев же безапелляционно заявлял: «Известно, что желанье Одоевского сблизить посредством своих вечеров великосветское общество с русской литературой не осуществилось» [37, с. 143]. По его мнению, светские люди не желали сблизиться с незнатными литераторами, которые пробирались к кабинету хозяина, «сгорчившись и съезжившись» под ироническими взглядами гостей [37, с. 143]. А.И. Герцен утверждал, что у Одоевского собирались люди, «ничего не имевшие общего, кроме некоторого страха и отвращения друг от друга» [14, с. 30].

Важная роль салона в литературной жизни «золотого века» неизбежно приводила к тому, что культурные и социальные конфликты переносились в сферу литературной борьбы. Писателям и литераторам, не входящим в светское общество, решительно не нравилось, что в салонах создаются и поддерживаются писательские репутации. Например, И.И. Панаев саркастически замечает: «Чтоб получить литературную известность в великосветском кругу, необходимо было попасть в салон г-жи Карамзиной — вдовы историографа. Там выдавались дипломы на литературные таланты» [37, с. 143–144]. Эпитет «великосветский» применительно к кругу, собиравшемуся у Карамзиных, конечно, несправедлив. В их салоне принимали «хорошее общество»²⁷, культурную элиту. По свидетельству В.А. Соллогуба, их приемы «носили отпечаток самого тонкого вкуса, самой высокопробной добропорядочности» [43, с. 404]. Однако элитарность салонов рождала все более откровенную неприязнь со стороны людей, которым не было в них доступа. В литературной среде это недоброжелательство переносилось на поэтов и писателей, принадлежавших к избранному кругу²⁸. В 1829–1830-х гг. в журнале «Московский телеграф» и в газете «Северная Пчела» началась кампания против «писателей-аристократов» — под это

²⁷ В «Опровержении на критики» (1830), высмеивая название «литературная аристократия», Пушкин вопрошал: «В чем же состоит их аристократия? <...> Может быть, в притязаниях на тон *высшего* общества? Нет; они стараются сохранить тон *хорошего* общества; проповедают сей тон и другим собратьям, но проповедают в пустыне» (XI, 152).

²⁸ См. полемику между «Литературной газетой» и ее критиками. *Пушкин А.С.* «Опровержение на критики», 1830; «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», 1830; «Писатели, известные у нас под именем аристократов...», 1830; *Вяземский П.А.* «О духе партий, о литературной аристократии», 1830; «С некоторых пор журналисты наши...», 1830.

определение попадали поэты и писатели, объединившиеся вокруг «Литературной газеты», в том числе Пушкин, Дельвиг, Вяземский, Баратынский. Причины и характер этого конфликта, возникшего в сложной общественно-политической ситуации, не могут быть истолкованы однозначно [22, с. 5–25; 30, с. 361–367]. Но в рамках нашей темы нельзя не отметить, что в полемических статьях Пушкина отчетливо чувствуется раздражение, вызванное именно культурной и поведенческой неуклюжестью его оппонентов. Защищая от нападок журналистов Вяземского, он писал с тонкой издевкой:

Но должно ли на них негодовать? Не думаем. В них более извинительного незнания приличий, чем предосудительного намерения. Чувство приличия зависит от воспитания и других обстоятельств. Люди светские имеют свой образ мыслей, свои предрассудки, непонятные для другой касты. Каким образом растолкуете вы мирному алеуту поединок двух французских офицеров?²⁹

«Мирные алеуты», тем не менее, в своих критических статьях уверенно судили о том, что принято, а что не принято в свете. Пушкин в ответ на это замечал: «Не забавно ли видеть их опекунами высшего общества, куда, вероятно, им и некогда и вовсе не нужно являться?»³⁰. Эта граничащая с оскорблением реплика осталась в черновой рукописи пушкинской статьи, но показательна, что он связывает эстетические претензии критиков с их общественным положением. Можно сказать, что граница между «писателями-аристократами» и их «демократическими» критиками на уровне бытовой реальности определялась границами светских литературных салонов. Собственно, это почти прямо сформулировано в стихотворении Вяземского «Синонимы: гостиная — салон» (1836):

Недоумением напрасно ты смущен:
Гостиная — одно, другое есть *салон*.
Гостиную найдешь в порядочном трактире,
Гостиную найдешь и на твоей квартире,
Салоны ж созданы для избранных людей.
Гостиные видал и ты, Видок-Фиглярин!
 В *гостиной* можешь быть и ты какой-то барин,
 Но уж в *салоне* ты решительно лакей [13, с. 256].

²⁹ О статьях кн. Вяземского (XI, 97).

³⁰ О новейших блюстителях нравственности (XI, 98).

Но даже самые язвительные замечания, самые остроумные эпиграммы знаменитых поэтов не могли сохранить за салонами их прежнюю роль. Салоны не расширяли свою сферу влияния в обществе, а, напротив, все больше уходили в глухую оборону.

Конфликты, связанные со светскими литературными салонами, кажутся лишь незначительным и сугубо частным эпизодом сложной истории российской общественной жизни, однако это эпизод выразительный и показательный.

Русские писатели и литераторы оказывались между двух огней, вынужденные выбирать между противоборствующими культурными традициями. Этот конфликт особенно остро проявлялся в положении таких писателей, как Некрасов и Тургенев, которые по своему происхождению и воспитанию принадлежали к дворянской элите, а по взглядам — к демократам. Все это имело непосредственное отношение к судьбе литературного салона.

В 1810–1830-х гг. литература и поэзия были органической частью повседневного быта культурной элиты светского общества. Писатели и поэты во многом определяли интеллектуальный уровень салонного общения и, в свою очередь, подвергались влиянию его норм и традиций. Уникальность салона как культурного явления заключалась в том, что он принадлежал одновременно и общественному быту, и литературе, это сложное единство было одной из определяющих особенностей русской культуры первой половины XIX в. Разрушение этого единства закономерно привело к разрушению салона.

В России 1810–1830-х гг. не существовало так называемой богемы как специфического художественного сообщества, живущего по своим законам. Хотя проблема положения писателя в свете обсуждалась еще в 1810-х гг., она носила в основном теоретический характер. Большинство писателей той эпохи не желали носить «цеховую бляху»³¹; они принадлежали к светскому обществу и принимали его этикетные нормы. Среди литераторов следующих поколений было много людей из другой социальной среды; рафинированная культура салонного общения вызывала у них лишь раздражение и протест.

В историческом изучении литературы и общественной жизни уделяется мало внимания нормам поведения и бытовым привычкам,

³¹ Известно, что Пушкин не желал, чтобы в обществе его принимали как поэта, и очень не любил выступать с чтением своих стихов. Вяземский, отмечая эту черту Пушкина, прибавляет: «Понимаю это. Но если уже и он, достигнувший славы сочинительством, как бы чуждался патента на нее, то каково же другим второстепенным сочинителям, но людям рассудительным, навязывать на себя эту цеховую бляху, только что не под номером» [11, с. 149].

которые кажутся незначительными на фоне глобальных исторических процессов и закономерностей. Между тем, эти нормы и привычки имели большое значение для самих участников изучаемых событий. И.С. Тургенев признавался, что перестал бывать у Одоевского, потому что ему «просто стыдно, до чего не умеют себя держать прилично новые литераторы. И какой чудак Одоевский, сам себе задает каждую субботу порку <...> Я вижу, как его шокируют манеры дурного тона “литературного прыща”, когда он бывает у него...» [38, с. 254]. Нужно заметить, что «литературным прыщом» Тургенев и Некрасов называли молодого Достоевского.

Конфликты между писателями на почве разных представлений о правилах поведения в обществе, по всей видимости, играли не последнюю роль в разрушении литературного салона в его классической форме. В свое время Пушкин так охарактеризовал Надеждина: «Он показался мне весьма простонародным, vulgar, скучен, заносчив и безо всякого приличия. Например, он поднял платок, мною уроненный»³². Очевидно, по правилам хорошего тона не полагалось оказывать подобные услуги нестарому мужчине. Очень скоро, однако, стало уже не до таких тонкостей. А. Панаева вспоминала: «После вечера в одном светском салончике, где Писемский читал свой новый роман, Тургенев, явившись на другой день к Панаеву, в отчаянии говорил:

Нет, господа, я более ни за какие блага в мире нигде не буду присутствовать при чтении Писемского кроме как в нашем кружке. Это из рук вон, до чего он неприличен! Я готов был сквозь землю провалиться от стыда. Вообразите, явился читать свой роман, страдая расстройством желудка, по обыкновению, рыгал поминутно, выскакивал из комнаты и, возвращаясь, оправлял свой туалет — при дамах! [38, с. 225].

Для того, чтобы не оправлять свой туалет, как изящно выразился Тургенев, при дамах, необязательно получать аристократическое воспитание. Но нежелание следовать даже самым элементарным правилам поведения у многих разночинцев, писателей в том числе, часто принимало форму сознательного эпатажа. Панаев признавал, что издатель «Сказаний русского народа» И.П. Сахаров нарочно являлся к Одоевскому в длиннополом гороховом сюртуке и ничуть не смущался любопытными взглядами и «улыбочками»³³.

³² «Table-talk» (XII, 159).

³³ Панаев И.И. Литературные воспоминания. Л.: Академия, 1928. С. 146.

Презрительное отношение литераторов новой волны к «светским салончикам», разумеется, вызывало ответную враждебную реакцию. Вскоре самого Тургенева перестали приглашать во многие салоны, не потому, конечно, что он не умел себя вести в свете, а потому, что он был писателем. От писателя хороших манер уже не ждали.

К хорошим манерам можно было относиться сколь угодно скептически, но они являлись неременным условием сосуществования людей с разными взглядами и интересами. По тонкому замечанию Ю.М. Лотмана, утонченная вежливость как бы заменяет равенство. Разумеется, нормы светского общения, придававшие блеск поведению умных и образованных людей, оборачивались просто заученными привычками у людей заурядных и неинтересных. Терпимость и снисходительность могли быть как свидетельством широты взглядов, так и результатом глубокого равнодушия. Никакие культурные нормы не гарантируют идеального воплощения, но сами по себе они могут иметь разную ценность. Нормы межличностных отношений, которые культивировались в салонах, несли существенный позитивный потенциал. В той среде, где общение само по себе являлось высшим удовольствием, тяга к нему подчас пересиливала взаимное недоверие и неприязнь людей, исповедовавших разные политические взгляды и эстетические доктрины. Благодаря общепризнанным поведенческим нормам и правилам, салоны на протяжении недолгого времени являли собой ту нейтральную территорию, на которой такие люди могли встречаться, обмениваться мнениями и приятно проводить время. Неизменная ироничность и приветливая снисходительность светских людей не позволяла разгораться враждебным чувствам и предотвращала возможные конфликты. Тот же стиль общения распространялся и на литературные дискуссии, позволяя литературным противникам мирно обмениваться мнениями. Одна из главных культурных функций салона видится именно в том, что идеологические и литературные противники встречались здесь просто как хорошие знакомые, о чем дружно свидетельствуют мемуаристы.

В салоне В.Ф. Одоевского собирались люди столь разные по своим общественному положению, роду занятий, возрасту, интересам и взглядам, что удивительно было видеть их всех вместе, любезно и оживленно беседовавшими:

Это было оригинальное сборище людей разнородных, часто даже между собой неприязненных, но почему-либо замечательных.

Все они на нейтральной почве чувствовали себя совершенно свободными и относились друг к другу без всяких стеснений [39, с. 56].

Тон задавал, конечно, сам Одоевский: «Беспристрастная личность хозяина действовала на гостей, которые становились и добрее, и снисходительнее друг к другу» [39, с. 56]. Д.М. Погодин, вспоминая о графине Ростопчиной, писал: «В мнениях своих она была, так сказать, космополитка, и потому у нее собирались люди всевозможных лагерей и профессий»³⁴. Н.В. Дризен писал о салоне Пономаревой:

Это было время партий, горячих споров <...> приводивших враждебные партии к борьбе не на живот, а на смерть. Однако, антагонизм, дававший о себе знать в другое время огнем язвительных эпиграмм, памфлетов и пародий, переполнявших современные журналы и альманахи, был не ко двору там, где хотя бы для виду собирались во имя одной речи. Здесь солнце хозяйки одинаково светило злым и добрым³⁵.

П.В. Анненков называл дом А.Н. Оленина «нейтральной почвой, на которой сходились люди противоположных воззрений» [2, с. 94]. Салон А.П. Елагиной, по словам П.В. Анненкова, «по тону сдержанности, гуманности и благосклонного внимания, в нем царствовавшему, представлял нечто вроде замиренной почвы, где противоположные мнения могли свободно высказываться, не опасаясь засад, выходов и оскорблений для личностей препирающихся»³⁶. Но уже к середине 1840-х гг. ситуация постепенно, но неотвратимо изменялась.

Дочь А.П. Елагиной Лиля жалуется отцу: «Крюков с Ушаковым все спорили о Римских древностях, что было весьма скучно. Не знаю, как Крюков решился говорить при дамах о таких непристойных вещах» (Е. Елагина — отцу, 12 июля 1843 г.) [21, с. 191]. Забавное негодование юной барышни свидетельствует о серьезных процессах: даже в мирных дискуссиях уже нарушались традиции салонной беседы. В.А. Соллогуб, собиравший в своем доме разночинных литераторов, которых добродушно-снисходительно именовал «мой

³⁴ Погодин Д.М. Воспоминания // Исторический Вестник. 1892. № 4. С. 52.

³⁵ Дризен Н.В. Литературный салон 20-х годов // Ежемес. лит. прилож. к «Ниве». 1894. № 5. С. 17.

³⁶ Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. СПб.: [Б. и.], 1880. С. 175.

зверинец», почти не допускал на такие вечера светских дам, без которых совсем недавно был немислим литературный салон. Хозяин опасался не за них (они как раз очень хотели посмотреть на эту публику), а за своих гостей. Аврора Демидова однажды приехала в бальном платье с огромным бриллиантом на шее. Соллогуб, смеясь, воскликнул: «Аврора Карловна, что это вы надели, помилуйте! Да они же все разбегутся при виде вас!» Демидова поспешно отстегнула ожерелье и положила его в карман [43, с. 499].

Невнимание к дамам, однако, было не самым важным проявлением нарушения традиций. Салон А.П. Елагиной обычно приводят как пример мирного общения славянофилов и западников [5, с. 495], однако, идиллия продолжалась недолго. Сама Авдотья Петровна и ее дочь Лила в своих письмах к Елагину постоянно упоминают о вечных «спорах и криках», о том, что слишком разнородное общество, собирающееся в их гостиной, разбивается на отдельные кружки, а общей беседы не получается. 2 апреля 1845 г. А.П. Елагина пишет мужу: «Западные совсем нас кинули. Бог с ними! А от восточных скука жестокая». Лила добавляет в приписке: «...западных мы никого не видим — они все нас бросили <...> а только западные-то и знают новости и сплетни <...> Восточные же заняты только корнесловием и статьями Погодина» [21, с. 197].

Уходил в прошлое самый тип людей, блиставших в салонах 1820–1830-х гг. Кавелин писал: «Лучшие из них представляли собой такую полноту и цельность личной, умственной и нравственной жизни, о какой мы едва имеем теперь понятие» [19, с. 331]. Кавелин приводит в пример Грановского, который на поверхностный взгляд не сделал ничего, что оправдывало бы его почетное место в истории русской культуры:

По самому свойству его личного характера и того времени, лучшие стороны его деятельности не могли укладываться в книгу или статью, а выражались в лекциях, в беседах, в личных сношениях, переходили этими путями в повседневный оборот и оплодотворяли русскую мысль и жизнь новыми живительными мотивами. Только тупая близорукость способна сказать, глядя на два не слишком больших тома сочинений Грановского: что же такого замечательного сделал прославленный московский профессор? Где его труды, его заслуги? [19, с. 258].

В связи со статьей П.В. Анненкова о Н.В. Станкевиче Кавелин развивает ту же мысль:

Для того, кто не имеет смысла к такого рода явлениям, глубокое уважение и сочувствие, с которым биограф Станкевича говорит о нем, покажется совершенно непонятым. «Что же такое в самом деле Станкевич? — подумает он, — что же он написал, что сделал замечательного? Неужели право на уважение потомства и на страницу в истории дают каких-нибудь два, три десятка писем к друзьям, в которых выражаются одни, никогда не осуществившиеся, намерения исполнить разные литературные и ученые труды?» [19, с. 259].

Можно упомянуть в том же ряду и таких личностей, как П.П. Каверин, П.В. Нащокин, Н.В. Всеволожский и других их современников, далеко не равных по культурному и историческому значению, но схожих по своей жизненной позиции, находившей полное понимание и одобрение в кругу близких им по духу людей. Позиции, допускавшей самореализацию личности вне конкретных достижений в определенной области деятельности. Этим объясняется и высокое положение в обществе, которое занимали знаменитые хозяйки салонов 1820–1830-х гг. По условиям того времени женщина не могла проявить свои дарования в какой-либо деятельности, зато могла реализовать себя в формах самой жизни, жизни узкого, но влиятельного культурного круга.

Такая жизненная установка имела самое непосредственное отношение к расцвету салонов. Ведь смыслом салонного времяпрепровождения, как говорилось выше, было, прежде всего, взаимное удовольствие от общения, не имеющего никакой практической цели. Собиравшиеся в салонах гости, независимо от своих достижений в литературе и искусстве, от общественного положения, заслуг на военном или дипломатическом поприще, блистали своими «бесполезными» способностями: свободной игрой ума, любезностью, обаянием, остроумием. «Близорукость» людей 1850–1860-х гг. объяснялась их приверженностью другой системе ценностей, требовавшей от человека ощутимых общественно-полезных результатов его трудов.

Этот конфликт уходит своими корнями в глубь веков. Презрение к пользе и пристрастие к прекрасным и бесполезным вещам и занятиям есть черта рыцарского этоса (т. е. культурно-психологического типа), с которым генетически связаны европейская и русская аристократия. Оценка человеческих достоинств с точки зрения их полезности и практичности являются признаком этоса буржуазного, заметного еще в баснях Эзопа и набиравшего силу в XVIII–XIX вв. Российские разночинцы, разумеется, не были

буржуа в смысле своего социального положения и идейных взглядов: их представление о «пользе» не имело ничего общего с обогащением и расчетливостью. Однако утилитарный подход к оценке человеческих достоинств и произведений искусства роднит их мировоззрение с буржуазным этосом [35].

Поворот в общественном сознании наметился уже в 1830-х гг. В повести В.Ф. Одоевского «Город без имени» (1839), входящей в состав цикла «Русские ночи», описывается вымышленная история цивилизации, сделавшей «пользу» принципом общественной жизни: «...польза есть существеннейший двигатель всех действий человека! Что бесполезно — то вредно, что полезно — то позволено. Вот единственное твердое основание общества!» [32, с. 63]. Колония, основанная на этих принципах, долгие годы процветает, но со временем в ней возникает все больше распрей, раздоров, уныния: «Нечему было оживить борьбу человека, нечему было утешить его в скорби. <...> Естественная поэтическая стихия было умерщвлена корыстными расчетами пользы» [32, с. 68]. Для Одоевского жизнь, основанная на пользе, — искусственная, придуманная, но опасная для настоящей естественной жизни, ибо незаметно, исподволь убивает, уничтожает последнюю. Для адептов другой системы ценностей искусственной и придуманной казалась, напротив, жизнь равнодушной к пользе культурной элиты. В произведениях Пушкина, Е.А. Баратынского, С.П. Шевырева, А.С. Хомякова «польза» становилась олицетворением корыстного, меркантильного подхода к жизни, антиподом свободного искусства, поэзии³⁷. Поэтами демократического направления «польза» понималась, прежде всего, как общественная польза и получала безусловно позитивную оценку. Смена мировоззренческой парадигмы явственно проявилась и в установках литературного творчества: пушкинская сентенция: «Цель поэзии — поэзия»³⁸ сменилась афоризмом Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»³⁹. Общественные деятели и литераторы, искренне радеющие об общественной пользе и отвергающие бесполезные в этом отношении ценности, обычно движимы благородными целями. Они легко завоевывают поддержку горячих и нетерпеливых молодых людей, и только великий поэт знает, что от желания во всем находить поль-

³⁷ См.: *Пушкин А.С.* Поэт и толпа, 1828; Ответ анониму, 1831; Египетские ночи, 1835; *Баратынский Е.А.* Последний поэт, 1834–1835; *Хомяков А.С.* Разговор с С.С. Уваровым, 1831; *Шевырев С.П.* На смерть поэта, 1841.

³⁸ См. письмо Пушкина к В.А. Жуковскому 20 марта 1825 г. (XIII, 167).

³⁹ *Некрасов Н.А.* Поэт и гражданин (1855) // *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981. Т. 2: Стихотворения 1855–1866 гг. С. 5–15.

зу так недалеко до страшного вопроса: «Что пользы, если Моцарт будет жив?» (VI, 128).

В 1840–1850-х гг. общественная и литературная жизнь все более принимали выраженную идеологическую окраску, что было враждебно самой природе светского литературного салона.

Славянофилы и западники, демократы и аристократы не уживались под одной крышей. Мощное центробежное движение, набравшее силу в русском обществе, разрывало тонкую культурную ткань литературного салона. Не справившись с миссией объединения сословий и примирения литературных партий, салоны были вытеснены на периферию общественной жизни. Общение писателей и светских людей сохранилось лишь на уровне личных человеческих связей, но утратило общекультурное значение. Отныне не литературные салоны, а журналы и газеты формировали мнение публики и устанавливали литературные авторитеты.

Салонную культуру впоследствии часто называли «оранжерейной»⁴⁰. С этим определением можно согласиться, но было бы неверно вкладывать в него негативный смысл. Действительно, светский литературный салон в России мог существовать лишь в очень узком привилегированном кругу, особенности которого мы попытались описать. Тем не менее, его культурное значение выходит далеко за рамки элитарной дворянской среды. В салонном общении развивался русский литературный язык, постепенно делавшийся языком общения всех грамотных людей XIX в. В светских литературных играх создавались и оттачивались некоторые литературные жанры, позже преодолевшие границы чисто салонного творчества. В беседах о литературе и искусстве вырабатывались критические суждения, формировался художественный вкус, создавались и поддерживались писательские репутации. Все это, безусловно, повлияло на развитие русской поэзии и литературы. Традиции утонченной культуры человеческого общения, которые культивировались в салонах, также не остались вовсе не востребованными: они оказали благотворное воздействие на формирующуюся российскую интеллигенцию. Последовательное уничтожение любых следов салона в литературной и общественной жизни началось лишь после 1917 г., вместе с разрушением всех культурных традиций дореволюционной России.

⁴⁰ Литературные салоны и кружки. Первая пол. XIX в. / ред., вступ. ст. и примеч. Н.Л. Бродского. М.; Л.: Academia, 1930. С. 24.

Литература

1. *Акимова Т.И.* Роль литературного творчества Екатерины II в становлении дворянского самосознания конца XVIII – конца XIX века. Саранск: Нац. исслед. Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарёва, 2013. 275 с.
2. *Анненков П.В.* А.С. Пушкин в Александровскую эпоху / сост. А.И. Гарусов. Минск: Лимариус, 1998. 360 с.
3. *Анненков П.В.* Материалы для биографии А.С. Пушкина / общ. ред. и вступ. ст. Г.М. Фридлендера, подгот. текста и коммент. А.А. Карпова. М.: Современник, 1984. 476 с.
4. *Аронсон М.И.* Кружки и салоны // *Аронсон М.* Литературные кружки и салоны. М.: Аграф, 2001. С. 20–24.
5. [*Бартенев П.*] Авдотья Петровна Елагина // *Русский Архив.* М.: Тип. Лебедева, 1877. Кн. 2. 538 с.
6. *Бунтури В.* К приюту тихому беседы просвещенной. Литературный салон в культуре Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 240 с.
7. *Вацуро В.Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л.: Наука, 1979. С. 3–56.
8. *Вацуро В.Э.* С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М.: Книга, 1989. 408 с.
9. *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни. М.: Московский рабочий, 1984. 700 с.
10. *Вигель Ф.Ф.* Записки. М.: Артель писателей Круг, 1928. Т. 1. 377 с.
11. *Вяземский П.А.* Из статьи «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина» // Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1 / вступ. ст. В. Вацуро, М. Гиллельсона, Р. Иезуитовой, Я. Левкович. С. 135–138.
12. *Вяземский П.А.* Старая записная книжка // Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского: в 12 т. СПб.: Изд-е графа Шереметева, 1883. Т. 8. 524 с.
13. *Вяземский П.А.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1986. 555 с.
14. *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 9. 369 с.
15. *Гоголь Н.В.* «В чём же, наконец, существо русской поэзии и в чём её особенность» // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: [в 14 т.] М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8: Статьи. С. 369–409.
16. *Головина В.Н.* Мемуары // История жизни благородной женщины. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 89–332.
17. *Дмитриева Н.Л.* Пономаревой салон // Быт пушкинского Петербурга. Опыт энциклопедического словаря. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. Т. 2. С. 189–191.
18. *Ж. де Сталь.* О Германии // *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М.: Молодая гвардия, 1998. 382 с.
19. *Кавелин К.Д.* Авдотья Петровна Елагина // *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. С. 320–335.
20. *Каменская М.* Воспоминания. М.: Худож. лит., 1991. 386 с.
21. *Канторович И.* Салон Авдотьи Петровны Елагиной // Новое литературное обозрение. 1998. № 2/30. С. 165–209.
22. *Ларионова Е.О.* «Услышишь суд глупца...» (Журнальные отношения Пушкина в 1828–1830 гг.) // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. СПб.: Пушкинский гос. театральный центр в Санкт-Петербурге, 2001. С. 5–25.

23. *Лотман Ю.М.* «Езда в остров любви» Третьяковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII – начала XIX в. // Проблемы изучения культурного наследия. М.: Наука, 1985. С. 222–230.

24. *Лотман Ю.М.* Искусство жизни // *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1994. С. 180–209.

25. *Лотман Ю.М.* К функции устной речи в культурном быту пушкинской эпохи // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Изд-во «Александра», 1993. Т. 3. С. 430–438.

26. *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М.: Молодая гвардия, 1998. 382 с.

27. *Мартен-Фюжье А.* Элегантная жизнь или как возник «весь Париж». 1815–1848. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 480 с.

28. *Муравьева. И.А.* Салоны пушкинской поры: очерки литературной и светской жизни Санкт-Петербурга. СПб.: Крига, 2008. 543 с.

29. *Муравьева О.С.* Развлечения светские // Быт пушкинского Петербурга. Опыт энциклопедического словаря. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. Т. 2. С. 227–232.

30. *Муравьева О.С.* Новые выходы противу так называемой литературной аристократии // Пушкинская энциклопедия. Произведения. СПб.: Нестор-История, 2017. Вып. 3. С. 361–367.

31. *Никитенко А.В.* Дневник: в 3 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1: 1826–1857. 543 с.

32. *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. Л.: Наука, 1975. 327 с.

33. *Оленина А.А.* Дневник. Воспоминания. СПб.: Гуманитарное агентство, Академический проект, 1999. 367 с.

34. *Оом Ф.А.* Воспоминания Федора Адольфовича Оома. 1826–1865. М.: Унив. тип., 1896. 139 с.

35. *Осовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.

36. Остафьевский архив князей Вяземских / под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Шереметев, 1899. Т. 3: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824–1836. 364 с.

37. *Палий Е.Н.* Салон как феномен культуры XIX в: традиции и современность; автореф. дис. ... д-ра культурологических наук. М., 2008. 39 с.

38. *Панаева А. (Головачева Е.)* Воспоминания. 1824–1870 / под ред. и с примеч. К. Чуковского, обл. В. Белкина. 2-е изд. Л.: Academia, 1928. 508 с.

39. *Погодин М.П.* Воспоминания о князе В.Ф. Одоевском // В память о кн. В.Ф. Одоевском. М.: В тип. «Русского», 1869. С. 43–71.

40. *Погодин М.П.* Повести. Драма. М.: Сов. Россия, 1984. 432 с.

41. Разговоры Пушкина: Репринт, воспроизводство издания 1929 г. М.: Политиздат, 1991. 318 с.

42. *Смолянинова Т.Е.* Функции салона // Современная зарубежная философия: проблемы трансформации на рубеже XX–XXI веков: материалы междууз. науч. конф. 24–25 окт. 1996 г. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 60–61.

43. *Соллогуб В.А.* Воспоминания // *Соллогуб В.А.* Повести. Воспоминания. Л.: Худож. лит., 1988. С. 345–547.

44. *Сталь Ж. де.* Коринна, или Италия. М.: Наука, 1969. 440 с.

45. *Федотова С.Б.* Смирновой-Россет салон // Быт пушкинского Петербурга. Опыт энциклопедического словаря. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. Т. 2. С. 254–258.

46. *Фризман Л.Г.* Иван Киреевский и его журнал «Европеец» // «Европеец», журнал И.В. Киреевского, 1832. М.: Наука, 1989. С. 462–465.
47. *Честерфилд Ф.Д.* Письма к сыну. Максими. Характеры. Л.: Наука, 1971. 360 с.
48. *Чистова И.С.* Голицыной салон // Быт пушкинского Петербурга. Опыт энциклопедического словаря. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. Т. 1. С. 152–155.
49. *Чистова И.С.* Пушкин в салоне Авдотьи Голицыной // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1989. Т. 13. С. 186–202.
50. *Чистова И.С., Федотова С.Б.* Олениных салон // Быт пушкинского Петербурга. Опыт энциклопедического словаря. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. Т. 2. С. 129–133.
51. *Эйхенбаум Б.М.* Литературный быт, Литература и писатель // *Аронсон М.* Литературные кружки и салоны. М.: Аграф, 2001. С. 349–372.
52. *Юнгрен А.* Поэзия Тютчева и салонная культура XIX века. М.: Наука, 2006. 123 с.
53. *Юнге Е.Ф.* Воспоминания (1843–1860 гг.) / вступ. ст. А. Новицкого. М.: Сфинкс, [1914]. 301 с.

Research article

The Rise and Fall of High Literary Salons in the “Golden Age”

© 2022. Olga S. Muravyova

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article is devoted to a brief history of a high literary salon in the first half of the 19th century. The article traces the reasons explaining its bright heyday and rapid decline. The salon is considered as a dual phenomenon, belonging simultaneously to literature and everyday life. Therefore, the article focuses on both the literary processes associated with salon culture and the customs and behavioral norms of the world. The fate of the literary salon seems to be a private, but very revealing plot in the history of the development of Russian society.

Keywords: literary genres, everyday behavior, “golden age,” salon culture, memoirs.

Information about the author: Olga S. Muravyova — PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

E-mail: olga_muraveva@list.ru

For citation: Muravyova, O.S. “The Rise and Fall of High Literary Salons in the ‘Golden Age’.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (26), 2022, pp. 140–182. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-26-140-182>

References

1. Akimova, T.I. *Rol' literaturnogo tvorchestva Ekateriny II v stanovlenii dvorianskogo samosoznaniia kontsa XVIII – kontsa XIX veka* [The Role of the Literary Work of Catherine II in the Formation of the Nobility's Self-awareness in the Late 18th and Late 19th Centuries]. Saransk, National Research Mordovia State University Publ., 2013. 275 p. (In Russ.)
2. Annenkov, P.V. *A.S. Pushkin v Aleksandrovskauiu epokhu* [Pushkin in the Alexander Era], comp. A.I. Garusov. Minsk, Limarius Publ., 1998, 360 p. (In Russ.)
3. Annenkov, P.V. *Materialy dlia biografii A.S. Pushkina* [Materials for the Biography of Pushkin], gen. ed. and introd. article by G.M. Fridlender, text prep. and comm. by A.A. Karpov. Moscow, Sovremennik Publ., 1984. 476 p. (In Russ.)
4. Aronson, M.I. *Kruzhki i salony* [Circles and Salons]. Aronson, M. *Literaturnye kruzhki i salony* [Literature Circles and Salons]. Moscow, Agraf Publ., 2001, pp. 20–24. (In Russ.)
5. [Bartenev, P.] “Avdot'ia Petrovna Elagina” [“Avdotya Petrovna Elagina”]. *Russkii Arkhiv* [Russian Archive], book 2. Moscow, Tipografiia Lebedeva Publ., 1877. 538 p. (In Russ.)
6. Bunturi, V. *K priitu tikhomu besedy prosveshchennoi. Literaturnyi salon v kul'ture Peterburga* [To the Quiet Shelter of Enlightened Conversation. Literary Salon in the Culture of St. Petersburg]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2013. 240 p. (In Russ.)
7. Vatsuro, V.E. “Literaturnye al'bomy v sobranii Pushkinskogo Doma (1750–1840-e gody)” [“Literary Albums in the Collection of the Pushkin House (1750–1840s)”]. *Ezhгодnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1977 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1977]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 3–56. (In Russ.)
8. Vatsuro, V.E. *S.D.P. Iz istorii literaturnogo byta pushkinskoi pory* [S.D.P. From the History of the Literary Life of the Pushkin Era]. Moscow, Kniga Publ., 1989, 408 p. (In Russ.)
9. Veresaev, V.V. *Pushkin v zhizni* [Pushkin in the Life]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1984. 700 p. (In Russ.)
10. Vigel', F.F. *Zapiski* [Notes], vol. 1. Moscow, Artel' pisatelei Krug Publ., 1928. 377 p. (In Russ.)
11. Viazemskii, P.A. “Iz stat'i ‘Vzgliad na literaturu nashu v desiatiletie posle smerti Pushkina’.” [“From the Article ‘A Look at Our Literature in the Decade After Pushkin's Death.’”]. *Pushkin v vospominaniakh sovremnikov: v 2 t.* [Pushkin in Memoirs of Contemporaries: in 2 vols.], vol. 1, introd. article by V. Vatsuro, M. Gillel'son, R. Iezuitova, Ia. Levkovich. Moscow, Khudozhestvennaia Literatura Publ., 1985, pp. 135–138. (In Russ.)
12. Viazemskii, P.A. “Staraja zapisnaia knizhka” [“The Old Notebook”]. *Polnoe sobranie sochinenii kniazia P.A. Viazemskogo: v 12 t.* [Complete Works of Prince P.A. Vyazemsky: in 12 vols.], vol. 8. St. Petersburg, Izdanie grafa Sheremeteva Publ., 1883. 524 p. (In Russ.)
13. Viazemskii, P.A. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1986. 555 p. (In Russ.)
14. Gertsen, A.I. *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [Collected Works: in 30 vols.], vol. 9. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1956. 369 p. (In Russ.)
15. Gogol', N.V. “V chem zhe, nakonets, sushchestvo russkoi poezii i v chem ee osobennost'” [“What, Finally, is the Essence of Russian Poetry and What is Its Peculiarity”]. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t.* [Complete Works: in 14 vols.], vol. 8: Stat'i [Articles]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1952, pp. 369–409. (In Russ.)

16. Golovina, V.N. "Memuary" ["Memoirs"]. *Istoriia zhizni blagorodnoi zhenshchiny* [Life Story of a Noble Woman]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996, pp. 89–332. (In Russ.)
17. Dmitrieva, N.L. "Ponomarevoi salon" ["Ponomariova's Salon"]. *Byt pushkinskogo Peterburga. Opyt entsiklopedicheskogo slovaria* [Domestic Life of Pushkin's St. Petersburg. Trial of Encyclopedic Dictionary], vol. 2. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2003, pp. 189–191. (In Russ.)
18. De Stal', Zh. "O Germanii" ["About Germany"]. Lotman, Iu.M. *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin]. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 1998. 382 p. (In Russ.)
19. Kavelin, K.D. "Avdot'ia Petrovna Elagina" ["Avdotya Petrovna Elagina"]. Kavelin, K.D. *Nash umstvennyi stroi: Stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury* [Our Mental Structure: Articles on the Philosophy of Russian History and Culture]. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 320–335. (In Russ.)
20. Kamenskaia, M. *Vospominaniia* [Memories]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1991. 386 p. (In Russ.)
21. Kantorovich, I. "Salon Avdot'i Petrovny Elaginoi" ["Salon of Avdotya Petrovna Yelagina"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2/30, 1998, pp. 165–209. (In Russ.)
22. Larionova, E.O. "'Uslyshish' sud gluptsa...'" (Zhurnal'nye otnosheniia Pushkina v 1828–1830 gg.) ["'Hear the Judgment of a Fool...'" (Pushkin's Journalistic Relations in 1828–1830)]. *Pushkin v prizhiznnoi kritike. 1828–1830* [Pushkin in Lifetime Criticism. 1828–1830]. St. Petersburg, Pushkinskii gosudarstvennyi teatral'nyi tsentr v Sankt-Peterburge Publ., 2001, pp. 5–25. (In Russ.)
23. Lotman, Iu.M. "'Ezda v ostrov ljubvi' Trediakovskogo i funktsiia perevodnoi literatury v russkoi kul'ture pervoi poloviny XVIII – nachala XIX v." ["Trediakovsky's 'Ride to the Island of Love' and the Function of Translated Literature in Russian Culture of the First Half of the 18th – Beginning of the 19th Century"]. *Problemy izucheniia kul'turnogo naslediia* [Problems of Studying Cultural Heritage]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 222–230. (In Russ.)
24. Lotman, Iu.M. "Iskusstvo zhizni" ["The Art of Life"]. Lotman, Iu.M. *Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XIII – nachalo XIX veka)* [Conversations on Russian Culture. Genesis and Traditions of the Russian Nobility (18th – Early 19th Centuries)]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1994, pp. 180–209. (In Russ.)
25. Lotman, Iu.M. "K funktsii ustnoi rechi v kul'turnom bytu pushkinskoi epokhi" ["To the Function of the Speech in the Cultural Life of Pushkin's Era"]. Lotman, Iu.M. *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected Articles: in 3 vols.], vol. 3. Tallin, Aleksandra Publ., 1993, pp. 430–438. (In Russ.)
26. Lotman, Iu.M. *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin]. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 1998. 382 p. (In Russ.)
27. Marten-Fiuzh'e, A. *Elegantnaia zhizn' ili kak vznik "ves' Parizh." 1815–1848* [Elegant Life or How "All Paris" Appeared. 1815–1848]. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh Publ., 1998. 480 p. (In Russ.)
28. Murav'eva, I.A. *Salony pushkinskoi pory: ocherki literaturnoi i svetskoi zhizni Sankt-Peterburga* [Salons of Pushkin's Time: Essays on the Literary and High Life of St. Petersburg]. St. Petersburg, Kruga Publ., 2008. 543 p. (In Russ.)
29. Murav'eva, O.S. "Razvlecheniia svetskie" ["High Amusements"]. *Byt pushkinskogo Peterburga. Opyt entsiklopedicheskogo slovaria* [Domestic Life of Pushkin's St. Petersburg. Trial of Encyclopedic Dictionar], vol. 2. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2003, pp. 227–232. (In Russ.)

30. Murav'eva, O.S. "Novye vykhodki protivu tak nazyvaemoi literaturnoi aristokratii" ["New Tricks against the So-called Literary Aristocracy"]. *Pushkinskaia entsiklopediia. Proizvedeniia* [Pushkin Encyclopedia. Works], issue 3. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017, pp. 361–367. (In Russ.)
31. Nikitenko, A.V. *Dnevnik: v 3 t.* [Diary: in 3 vols.], vol. 1: 1826–1857 [1826–1857]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1955. 543 p. (In Russ.)
32. Odoevski, V.F. *Russkie nochi* [Russian Nights]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 327 p. (In Russ.)
33. Olenina, A.A. *Dnevnik. Vospominaniia* [Diary. Memoirs]. St. Petersburg, Gumanitarnoe agentstvo, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 367 p. (In Russ.)
34. Oom, F.A. *Vospominaniia Fedora Adol'fovicha Ooma. 1826–1865* [Memories of Fyodor Adol'fovich Oom. 1826–1865]. Moscow, Universitetskaia tipografiia Publ., 1896. 139 p. (In Russ.)
35. Ossovskaiia, M. *Rytsar' i burzhua. Issledovaniia po istorii morali* [The Knight and the Bourgeois. Studies in the History of Morality]. Moscow, Progress Publ., 1987. 528 p. (In Russ.)
36. *Ostaf'evskii arkhiv kniazei Viazemskikh* [Ostafyev Archive of the Vyazemsky Princes], vol. 3: Perepiska kniazia P.A. Viazemskogo s A.I. Turgenyevym. 1824–1836 [Correspondence of Prince P.A. Vyazemsky with A.I. Turgenev. 1824–1836], ed. and notes by V.I. Saitov. St. Petersburg, Sheremetev Publ., 1899. 364 p. (In Russ.)
37. Palii, E.N. *Salon kak fenomen kul'tury XIX v: traditsii i sovremennost'* [Salon as a Cultural Phenomenon in the 19th Century: Traditions and Contemporaneity: DSc Thesis, Summary]. Moscow, 2008. 39 p. (In Russ.)
38. Panaeva, A. (Golovacheva, E.) *Vospominaniia. 1824–1870* [Memoirs. 1824–1870], ed. and notes by K. Chukovskii, cover by V. Belkin. 2nd ed. Leningrad, Academia Publ., 1928. 508 p. (In Russ.)
39. Pogodin, M.P. "Vospominaniia o kniaze V.F. Odoevskom" ["Memories of Prince V.F. Odoevsky"]. *V pamiat' o kniaze V.F. Odoevskom* [In Memory of Prince V.F. Odoevsky]. Moscow, V tipografii "Russkago" Publ., 1869, pp. 43–71. (In Russ.)
40. Pogodin, M.P. *Povesti. Drama* [Novels. Drama]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1984. 432 p. (In Russ.)
41. *Razgovory Pushkina* [Pushkin's Conversations], reprint, recreation of the ed. of 1929. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 318 p. (In Russ.)
42. Smolianinova, T.E. "Funktsii salona" ["The Functions of Salon"]. *Sovremennaia zarubezhnaia filosofii: problemy transformatsii na rubezhe XX–XXI vekov: materialy mezhdunarodnoi nauchoi konferentsii 24–25 oktiabria 1996* [Modern Foreign Philosophy: Problems of Transformation at the Turn of 20th–21st Centuries: Materials of Inter-University Scientific Conference 24–25 October 1996]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 1996, pp. 60–61. (In Russ.)
43. Sollogub, V.A. "Vospominaniia" ["Memoirs"]. Sollogub, V.A. *Povesti. Vospominaniia* [Novels. Memoirs]. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1988, pp. 345–547. (In Russ.)
44. Stal', Zh. de. *Korinna, ili Italiia* [Corinne or Italy]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 440 p. (In Russ.)
45. Fedotova, S.B. "Smirnovoi-Rosset salon" ["Smirnova-Rosset's Salon"]. *Byt pushkinskogo Peterburga. Opyt entsiklopedicheskogo slovaria* [Domestic Life of Pushkin's St. Petersburg. Trial of Encyclopedic Dictionary], vol. 2. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2005, pp. 254–258. (In Russ.)

46. Frizman, L.G. “Ivan Kireevskii i ego zhurnal ‘Evropeets’.” [“Ivan Kireevsky and His Journal ‘Europeans’.”]. “*Evropeets*,” *zhurnal I.V. Kireevskogo, 1832* [“*Europeans*,” *Journal of I.V. Kireevsky, 1832*]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 462–465. (In Russ.)
47. Chesterfield, F.D. *Pis'ma k synu. Maksimy. Kharaktery* [Letters to My Son. Maxims. Characters]. Leningrad, Nauka Publ., 1971. 360 p. (In Russ.)
48. Chistova, I.S. “Golitsynoi salon” [“Golitsyn’s Salon”]. *Byt pushkinskogo Peterburga. Opyt entsiklopedicheskogo slovaria* [Domestic Life of Pushkin’s St. Petersburg. Trial of Encyclopedic Dictionary], vol. 1. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2003, pp. 152–155. (In Russ.)
49. Chistova, I.S. “Pushkin v salone Avdot’i Golitsynoi” [“Pushkin in the Salon of Avdotya Golitsina”]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [Pushkin: Studies and Materials], vol. 13. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 186–202. (In Russ.)
50. Chistova, I.S., Fedotova, S.B. “Oleninykh salon” [“Olenin’s Salon”]. *Byt Opyt entsiklopedicheskogo slovaria* [Domestic Life of Pushkin’s St. Petersburg. Trial of Encyclopedic Dictionary], vol. 2. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2005, pp. 129–133. (In Russ.)
51. Eikhenbaum, B.M. “Literaturnyi byt, Literatura i pisatel’” [“Literary Life, Literature and the Writer”]. Aronson, M. *Literaturnye kruzhki i salony* [Literary Circles and Salons]. Moscow, Agraf Publ., 2001, pp. 349–372. (In Russ.)
52. Iunggren, A. *Poeziia Tiutcheva i salonnaia kul'tura XIX veka* [Tyutchev’s Poetry and the Salon Culture of the 19th Century]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 123 p. (In Russ.)
53. Iunge, E.F. *Vospominaniia (1843–1860 gg.)* [Memoirs (1843–1860)], introd. article by A. Novitsky. Moscow, Sfinks Publ., [1914]. 301 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 19.08.2022
Одобрена после рецензирования: 02.10.2022
Дата публикации: 25.12.2022

The article was submitted: 19.08.2022
Approved after reviewing: 02.10.2022
Date of publication: 25.12.2022